

**ПРОЕКТ
РОССИЯ**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Проект Россия

Юрий Шалыганов

Проект Россия. Полное собрание

«ЭКСМО»

2012

Шалыганов Ю. В.

Проект Россия. Полное собрание / Ю. В. Шалыганов — «Эксмо»,
2012 — (Проект Россия)

ISBN 978-5-699-55101-9

Книги «Проект Россия» прочитали более трех миллионов человек. Уникальные и неожиданные по глубине понимания происходящих в России и за ее пределами событий, книги неизменно вызывали ажиотаж среди политической элиты и были внесены Управлением делами Президента России в реестр изданий, рекомендованных для чтения госслужащим и общественно-политическим деятелям. Принципиальная позиция авторского коллектива: главное – мысли и идеи, а не личность автора. Именно поэтому «Проект Россия» долгое время был анонимным, и только в четвертой книге имя одного из авторов (Юрия Шалыганова) было раскрыто. «Проект Россия» адресован тем, у кого хватит духа замахнуться на создание не новой цивилизации и даже не нового человечества, а **НОВОГО БЫТИЯ**. Ведь мы живем в сложную эпоху слома потребительской цивилизации, когда государство как институт уходит с исторической арены. Куда качнется маятник Истории для России? Сотрут ли глобальные изменения нашу страну в порошок или вознесут на пьедестал как мирового духовного лидера? Наступает момент истины. Какой эта истина будет Завтра, зависит от того, как Вы поведете себя Сегодня.

ISBN 978-5-699-55101-9

© Шалыганов Ю. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Проект Россия	5
От авторов	5
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	16
Глава 5	24
Часть вторая	31
Глава 1	31
Глава 2	34
Глава 3	41
Глава 4	43
Глава 5	45
Часть третья	50
Глава 1	50
Глава 2	52
Глава 3	54
Глава 4	55
Глава 5	56
Глава 6	57
Глава 7	59
Часть четвертая	66
Глава 1	66
Глава 2	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ю. В. Шалыганов

Проект Россия. Полное собрание

Проект Россия Первая книга

От авторов

Когда Александру Македонскому предложили напасть на превосходящие силы персидского царя Дария ночью, он ответил: «Я не краду победу». Кто-то счел это легкомыслием, но Александр правильно рассчитал. Такой мощный враг, как Дарий, не капитулирует из-за материального и человеческого урона. Обладая гигантскими ресурсами, персидский царь без труда восполнил бы любые потери. Дария можно было победить, сломив его боевой дух, что возможно только в открытом бою.

Мы находимся в аналогичной ситуации. Наш противник, имея огромный материальный и интеллектуальный потенциал, ведет невидимую войну против нас. Первопричины сокрыты, видны лишь негативные последствия. Победить врага можно, сломив его дух. Заставить его дрогнуть может наша предельная правота. Надо сорвать с волка овечью шкуру и обнажить его сущность.

* * *

Сегодня главная задача – поиск людей, способных мыслить стратегически – Веками, Континентами, Цивилизациями. Вопрос даже не в том, чтобы доказать верность наших постулатов, а в том, чтобы найти тех, кто способен мыслить масштабно. Не в масштабе той или иной отрасли, а в масштабе всей планеты. Что толку доказывать правоту нашей теории людям, изначально воспринимающим предложенный объем сумасшествием? С таким же успехом можно пригласить бабушку, торгующую семечками, к обсуждению проекта на миллион. Не может честный, добрый, смелый человек, мыслящий в масштабе «семечек», взяться за большое дело. Оно для него нереально не потому, что он увидел в нем какие-то дефекты, а потому, что оно выходит за рамки его восприятия.

Разговаривать с человеком, мыслящим привычными категориями, на непривычные из-за огромного масштаба темы, равносильно разговору с ребенком. Большинство людей, пусть даже и умных, такой разговор не воспримут серьезно. Если кто-то досконально разбирается в ядерной физике или наизусть помнит строение комариной лапки, это свидетельствует о наличии интеллекта или багажа знаний, но не масштаба мысли. Один ум, если нет масштабного мышления, ничего не решает. Нельзя делать то, масштаб чего не объял. Потому что не поверишь в реальность дела. А не поверив, считаешь бредом и пустой фантазией.

Люди, в целом понимающие и разделяющие нашу идею, но не привыкшие мыслить масштабно, как максимум могут поговорить на эту тему, и даже рядом постоять. Но ничего конкретного никогда делать не будут. Потому что для них это нереально. Человек может заниматься только реальными делами. Но для каждого своя реальность. Для одного реально огурцы выращивать, для другого страны завоевывать. Каждому свое. Изменить порядок вещей невозможно. Никогда человек не сможет заниматься не своим делом.

Человек выбирает дело независимо от наличия или отсутствия интеллектуального, административного и финансового ресурсов. Многознающий профессор, могущественный чиновник или коммерсант-миллиардер могут понимать большой ресурс только как шанс обустроить личную жизнь, реализуя небольшие проекты (дачу или яхту, например, купить). Нищий и малограмотный человек с микроскопическим ресурсом может стремиться к делам колоссального объема. Получится ли – другой вопрос. Мы говорим о намерениях и потенциале. Величина дел человеческих зависит не от имеющихся ресурсов, а от масштаба человека. Человек определяется не качеством ботинок, а качеством намерений. Намерения одного человека велики, другого малы. Показатель величины человека – намерения. Большой человек среди людей с обывательским масштабом мышления чувствует себя как взрослый дядя, забравшийся в песочницу. У детей в глазах немой вопрос: дядя, ты чего приперся? Большой в компании маленьких чувствует себя подобно самолету, едущему по улице. Он неуклюжий, ему все сигналят, он всем мешает. И лишь потому, что ему не ездить, а летать нужно.

Несоответствие ресурса и дела, на которое этот ресурс употребляется, есть своего рода феномен. Сам по себе большой ресурс не подвигнет человека действовать в секторе, размер которого выходит за рамки его восприятия. Даже если он понимает, что судно, на котором он плавает, начинает тонуть, все равно предпочтет бездеятельную позицию. Спасать судно он никогда не будет, потому что в душе уверен – ему не положено заниматься такими большими делами. Кому не дано масштабности мышления, у того духу не хватит взяться за большое дело.

Люди всегда действуют исходя не из знания действительности, а согласно своему масштабу мышления. Крупных в этом смысле людей на самом деле единицы. Основная масса – простые, обычные люди. Они, как дети, остро переживают, если чужой дядя отнимет у них игрушку. Но они и бровью не поведут, если этот дядя вынесет из квартиры все драгоценности. Потому что драгоценности находятся за рамками их мировосприятия. Основное сокровище для большинства людей – игрушки. Так же и при определении масштабности личности. Если у человека ограбят квартиру, для него это будет большим несчастьем. Но если ограбят его страну, он даже внимания не обратит. Потому что эта проблема находится вне поля его зрения.

В каком масштабе вы чувствуете, думаете и действуете? В масштабе себя? Семьи? Родни? Страны? Человечества? Ответ на этот вопрос и есть показатель вашего масштаба. Если все ваши устремления сводятся к покупке новых «игрушек», именно на это вы ищете деньги, по факту вы – ребенок в песочнице. Все дети стремятся «кулички лепить». Одни их слепили, другие мечтают слепить, но в обоих случаях устремления не выше куличей. С возрастом детская песочница видоизменяется во взрослую. Роль куличей и совочков теперь выполняют особняки и «роллс-ройсы». Меняется качество «куличей», но суть остается прежней – песочница.

Человеку с детским типом мышления свойственно заботиться только о себе. Поэтому, если он имеет ученую степень, состояние в 100 миллионов и возраст 50 лет, но думает только о себе, по сути – он ребенок. Если думает еще и о своей семье, он более взрослый. Если еще и о родственниках, он почти совсем большой. Но все же его «взрослость» не дотягивает до требуемого масштаба.

России нужны люди, способные сказать: «Моя страна – моя семья. Все беспризорники – наши дети. О них душа болит, как о родных чадах. Хочется их всех собрать, накормить и обогреть. Все эти несчастные бабушки и дедушки – наши родные бабушки и дедушки. Все мужчины и женщины, живущие своими маленькими заботами – наши братья и сестры, родные дяди и тети».

Наше Отечество нуждается в людях, думающих и готовых действовать сообразно знанию, тех, кто способен ради блага России на дела, не завязанные на личную выгоду. Как в песне: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Мы верим, есть еще люди, относящиеся к России как к родной семье, мыслящие в мировом масштабе. Те, кого не смущает подобный размах. Потому что чем нас больше, тем их меньше. В этом залог успеха.

* * *

Сегодня люди ведут себя как бабочки-однодневки на тонущем судне. В силу масштаба мышления никакая «бабочка» не в состоянии осмыслить тот факт, что судно тонет. Живущая несколько часов «однодневка» не фиксирует проблему, потому что скорость затопления для нее незаметна. Когда над водой останется только одна мачта и счет пойдет на минуты, то есть скорость затопления будет равна скорости мировосприятия «бабочек», она поймет, что тонет. Но толку от понимания будет ноль, потому что уже ничего нельзя сделать. До этого момента сделать тоже ничего нельзя, потому что «бабочка» будет высмеивать всякую мысль о грядущей беде. Призыв к действию в обществе «бабочек» – всегда глас вопиющего в пустыне.

Размах мысли большинства людей никогда не выходит за рамки «посадить дерево, построить дом, воспитать ребенка». Все это, безусловно, прекрасно, но кто-то должен думать о посадке лесов, строительстве городов и воспитании народа. Если этим никто не занимается, если каждый делает все на свое усмотрение, судьба деревьев, домов и людей постепенно оказывается в руках хищников. Они, как разбойники, попавшие в дом, где нет взрослых, преспокойно грабят его, уверенные в своей безнаказанности. Потому что знают – дети ничего не поймут, а взрослых нет.

Вопрос: как дети могут защититься от умных и талантливых хищников, пришедших грабить их дом? Ответ: никак. Никак и никогда. Когда дети остаются без родителей, они всегда становятся чьей-то добычей. Народ никогда не сможет защититься от геополитических процессов, нравственного развращения, колебания курса валют, ценовой политики, разбазаривания ресурсов и иных проблем. Масштаб его мышления исключает такую возможность. Чтобы «дети» могли спокойно «лепить свои куличики», то есть ходить на работу, делать бизнес, жениться, ругаться и развлекаться, нужны взрослые. Нужны люди государственного масштаба, которые даже теоретически не могут соблазниться «куличиками». Они никогда не полезут в «песочницу», потому что самые лучшие «игрушки» имеют для них нулевую ценность. Они никогда не будут пользоваться непониманием народа, чтобы его грабить. Они не могут использовать государственный ресурс для приобретения яхт и дворцов. Им это не нужно по той же причине, по какой вам не нужен плюшевый мишка или пластмассовый совочек. Примером современного «взрослого» может служить, например, махатма Ганди, бывший правитель Индии. Человеку такого масштаба в голову не могло прийти использовать ресурс государства в личных целях. Для него такое поведение было бы равносильно впадению в «детство» с последующей скупкой «детских игрушек».

Чтобы у читателя не сложилось превратного мнения об авторах, скажем, что пишущие эти строки тоже не являются людьми крупного масштаба. Самих себя не обманешь. У нас сердце больше сожмется от боли, если примутся грабить нашу квартиру, нежели нашу страну. Людей, способных чувствовать боль от разграбления страны, единицы. К таким можно причислить, например, Александра Невского или Жанну д'Арк. Они сердцем чувствовали, как обижают их Родину, и им было больно. Это чувство нельзя возбудить в себе искусственно. Оно или есть, или его нет. Можно притворяться, но долго не напритворяешься. Природу не скроешь и не обманешь.

Настоящая власть относится к тому, что составляет предел мечтаний простого человека, так же, как отец относится к игрушкам своего малыша. Трудно вообразить ситуацию, в которой люди масштаба Ленина, Сталина или де Голля начнут понимать власть как способ построить коттедж, купить яхту и т. д. Если, конечно, они в здравом уме. И наоборот, нельзя представить обычного человека, попавшего во власть и отказавшегося использовать ее в личных целях.

Масштаб мышления определяет использование государственного ресурса. В одном случае – для формирования ситуации в своей стране. В другом случае – для приспособления под

кем-то созданную ситуацию. Отсутствие масштаба исключает крупные дела. Человек способен действовать только в границах своего понимания. С обычным мышлением нельзя оперировать большими категориями. Нравственные качества здесь не имеют значения. Честные и нечестные люди одинаково быстро запустят разрушительные процессы, если масштаб их мысли мал. Самое печальное, что они этого даже не поймут.

Когда «взрослых» нет, глобальными процессами никто не управляет. Всем на все наплевать, никто не осознает размеров надвигающейся опасности. Наиболее активные и умные «дети» пробиваются к ресурсам страны и используют их сообразно своей шкале ценностей. Посмотрите на большинство чиновников. Разве они заботятся о благосостоянии страны и народа? Конечно, нет. Власть ими понимается не как власть отца, где благо семьи превыше всего, а как возможность за счет абстрактного общества приобрести себе новые «игрушки». Посмотрите, как миллиардеры распоряжаются ресурсом. Они ведут себя как мальчики, которым доверили бюджет детсада. Яхты покупают, дворцы, спортивные клубы. Как пятилетние мальчики не могут тратить бюджет на отопление детсада, так и пятидесятилетние мальчики не могут тратить ресурс на благо общества. Не потому, что не хотят, а потому, что они маленькие. Любой ресурс будет пониматься ими как возможность купить «игрушки» и «конфеты». Ни пятилетние, ни пятидесятилетние не поймут, что своими действиями они разрушают общество. Они просто не мыслят такими категориями.

* * *

Между прочим, в начале 1990-х спецслужбы России умудрились поставить «детское мышление» на службу своей стране. Когда СССР разваливался, над огромными сырьевыми и стратегическими ресурсами срочно требовалась временная система контроля. Ни при каких обстоятельствах ресурсы не должны были работать в неподконтрольном политическом секторе. Эффективность ставилась на второе место. Главное условие – контролируемость.

Было принято решение передать государственные активы частным лицам. Но не всем подряд, а очень избирательно. Ключевое условие, определявшее «проходной балл», было очень интересным. Чтобы оценить его по достоинству, надо понимать логику ситуации.

Во время кризиса очень большие деньги можно быстро заработать, если тебе разрешили их зарабатывать. Что значит «разрешили»? Какими такими особенными качествами нужно обладать, чтоб удостоиться разрешения? Вопрос интересный. Но ответ на него еще интереснее. Оказаться в нужное время и в нужном месте – это само собой. Многие там оказались. Но не многим доверили осваивать бюджетные потоки, не все в России стали олигархами. Потому что не все обладали главным качеством. От соискателей требовалось не обладать слишком масштабным мышлением. Да, да это не описка. Ключевое требование – не обладать. У кандидата на роль олигарха не должно быть масштаба мысли и политических амбиций. Его максимальные мечты не должны выходить за рамки «красивой жизни на золотых унитазах».

Объясняется такая установка достаточно просто. Представьте, что было бы в России, если бы люди с амбициями и мышлением Петра I, Ганди или Наполеона получили в распоряжение миллиардные ресурсы? Легко просчитать, что очень скоро они пресытились бы дорогими машинами и яхтами и перенаправили имеющийся ресурс в политику. Свою политику. Затем они задались бы вопросом: «Почему не я управляю, а мной управляют?» Ну и далее варианты со всеми сопутствующими проблемами.

Чтобы избежать этого, изначально ставка делалась на людей малого мышления. В целом, это условие было выполнено. Практически все новоявленные богачи России не поднялись выше материальной сферы. В максимальном варианте власть интересовала их как дополнительная безопасность и коммерческие возможности. Это предел игрушечных олигархов.

Ради справедливости нужно сказать, что отдельные личности высказывали «за флажки». Но не далеко, потому что никто из них не имел внятной идеологии. Перепевы демократии, замешанные на тщеславии, не могли составить реальной силы. На сегодня все эти «политики» или убежали из России, или получили срок, или погибли при невыясненных обстоятельствах.

Сегодня одни «дети», которым повезло больше, грабят и обманывают других «детей», которым повезло меньше. *«И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех»* (Еккл. 9, 11). В итоге одни разлагаются в пресыщении, другие засыхают в истощении. Навести порядок в «детсаде» некому. Потому что нет силы, способной осмыслить ситуацию и предпринять соответствующие действия.

* * *

Все, что сегодня происходит с Россией, – результат длительной целенаправленной работы. Кто-то создал условия, пропускающие во власть людей маленького полета, не охватывающих ситуации. В максимальном варианте это хорошие администраторы и завхозы. Им не дано сердце Жанны д'Арк и масштаб Петра I. Сегодня Россией правят простолюдины, не имеющие высоких целей. Наши правители стремятся к целям в коридоре личного блага и материального достатка.

Не надо много ума, чтобы просчитать поведение «маленького» человека, получившего большой ресурс. Действия за рамками горизонта для него невозможны. Не потому, что он плохой или хороший, а потому что это не его размер. Если ребенок станет командовать детсадом, в итоге он будет его разрушать. И никогда не поймет этого, потому что мыслит иными категориями. Одни начнут всеми правдами и неправдами добывать себе новые «игрушки». Другие будут бороться за свободу, право строить цивилизованное общество. Совокупность «игрушечных» устремлений тех и других уподобит государство кораблю, которым глобально никто не управляет. Нечестные распродадут горючее из корабельных баков, честные демонтируют оружие ради «мира во всем мире». И никто не поймет, что происходит на самом деле.

* * *

Более двух веков назад Жозеф де Местр написал «Рассуждения о Франции». Ключевые моменты, на которых он заострил внимание, актуальны для современной России. Во время этих событий властные структуры заполонили точно так же, как и сейчас, «маленькие» люди. И точно так же разъедали некогда великую Империю. Разъедали не потому, что имели целью развалить Францию, а потому что их цели находились в рамках материальных желаний или тщеславных стремлений, как у Герострата.

Деятели конца XVIII века не понимали, куда движется страна. Ж. Местр утверждает, что Республику установили события, и он близок к истине. Робеспьер, Дантон, Марат, Колло, Сэн-Жюст или Барэр не думали устанавливать революционное правительство и режим Тераора. Их к тому незаметно привели обстоятельства. Обретенное ими могущество поразило их самих больше всех. Они не знали, что с ним делать, и распоряжались им как испорченные дети. Эти невероятно посредственные люди подчинили французов самому ужасному деспотизму. Лидеры мятежа гремели на трибуне, упиваясь могуществом, а более ловкие и хитрые типы обращали это к своей выгоде. Все дурачили всех, облакая это в высокие слова. Никто не понимал характера сложившейся ситуации, и случилась катастрофа. Мирабо сказал, умирая, что если бы он выжил, то восстановил бы Монархию. Сегодня аналогичные мысли приходят в голову многим людям во всех уголках планеты.

* * *

Люди с не соответствующим проблеме мышлением заполнили коридоры власти. Они борются за власть, ищут тщеславия, личных выгод, обогащения. Великие цели им неведомы. Любая великая страна умирает без великих целей. Сведение России с уровня мировой державы на уровень мирового склада автоматически уничтожает ее величие и мощь. Голос единых, верно оценивающих происходящее, тонет среди детского гула. Страна похожа на театр абсурда, на детсад, брошенный на произвол судьбы. Где корни этой ситуации?

Начнем с того, что в мире есть силы, заинтересованные в уничтожении корней традиционных стран, будь то хоть Россия, хоть Германия или Франция. Самый простой и «миролюбивый» вариант ослабления – организовать процессы, расставляющие на ключевые места людей, по масштабу не соответствующих этим местам. Будь они хоть трижды честными, но если проблема лежит за рамками понимания этих людей, любые их действия будут вести к развалу страны. Не надо никаких диверсантов и терактов. Достаточно привести во власть взрослых «детей», и они гарантированно развалят любой объект.

Организовать такую ситуацию могут только очень масштабные и максимально закрытые люди. В эпоху развитых коммуникаций, когда в каждом доме Интернет и телевизор, популярность исключает свободу действий. Информационная эпоха делает всякого известного человека заложником ситуации. Как только человек становится популярным, он утрачивает способность создавать ситуацию. Теперь он может только встраиваться в нее. Ситуацию создает тот, кто сидит за шахматной доской в качестве игрока, а не стоит на ней в качестве фигуры. Популярный политик всегда идет туда, куда его толкает сиюминутная ситуация. Кто не идет, тот становится политическим трупом. Поэтому у популярных фигур сегодня не может быть собственной долгосрочной стратегии. Реально – это пешки в очень большой игре. Кто же тогда игроки?

* * *

Чингисхан как-то сказал об одном из своих начальников, что у него железная воля, честь, совесть, ум, он храбр как тигр, но... никогда не стать ему крупным руководителем. Потому что он думает, будто все люди такие. Мы, затеявая крупное дело, первым шагом должны признать, что «не все такие». Человек, объемом мышления превышающий средний уровень, в первую очередь понимает, что к «детям» нужно обращаться на «детском» языке. Информацию до них нужно доносить в формате, соответствующем их мышлению. По понятным причинам им не надо рассказывать о геополитике, экономике и философии с точки зрения логики. Крупная информация должна подаваться в формате, рассчитанном не на ум, а на сердце. Солдаты быстрее усвоят информацию через патриотическую песню, чем через лекцию о геополитике и международном положении.

Для большинства сказанное являет собой запредельный масштаб. Единицы понимают тему, но и они вряд ли могут ее озвучить. В том числе из-за боязни натолкнуться на гигантское непонимание, осмеяние и вопросы типа: «Зачем тебе это нужно?». Станный вопрос, возможный только в больном обществе. Зачем нужно заботиться о слабых? Зачем спасать ребенка? В чем тут выгода? В результате таких настроений негативные процессы никем не контролируются. Они идут своим ходом, люди живут своим чередом, а дела в России (и не только) между тем все хуже.

Исходя из специфичности затрагиваемой проблемы, в первую очередь эта работа адресована людям, цели которых не ограничены рамками этого мира, а уходят в область метафизики. Чтобы составить полное представление о происходящих в России процессах, нужно связать их

с процессами на планете. Чтобы осмыслить ситуацию на планете, нужно выйти в область метафизики, и связать ее воедино с окружающей действительностью. Кому предложенный масштаб кажется чрезмерным, тот вряд ли заинтересуется дальнейшим.

Сегодняшняя ситуация такова: под благовидным предлогом «детям» показали, где лежат спички. Им объявили свободу от родительского контроля, назвав все это красивыми словами. Разожгли амбиции на «слабо», типа, любой человек имеет достаточно знаний для решения любого государственного вопроса. Далее процесс идет сам по себе. И когда «малыши» сожгут, разорят и распродадут свой дом – это лишь дело времени.

Часть первая Идея

Глава 1 Ключевое понятие

На наших глазах создается Последняя История. Начало третьего тысячелетия есть начало новой эпохи. Рушатся мировые империи, переоцениваются ценности. Гибнет старое устройство мира, рождается новое. История вновь ставит ребром вопросы, на которые, казалось, раз и навсегда найдены ответы. Что есть добро? Что есть зло? Где варварство? Где цивилизация? От верности ответов зависит жизнь каждого человека. Хуже всего будет тем, за кого ответят другие.

Чтобы ответить на эти вопросы и обозначить выход, нам придется рассматривать не только Россию, но и другие страны, в частности, Францию. Эта страна представляет собой не только давнего друга России, но и уникальный эксперимент, наблюдая за которым, мы можем в увеличенном виде изучать ключевые события, замысленные в других демократических странах. Интерес к Франции возник не только из-за старых связей наших стран, но и из-за большой роли, которую мы предвидим для этой страны. Поэтому мы неоднократно будем обращать свое внимание на давнего союзника России – Францию. России, с ее колоссальной континентальной массой и невероятно огромными ресурсами, предстоит сыграть одну из самых главных ролей в начинающемся мировом спектакле.

Абсолютные показатели свидетельствуют о наличии больших проблем. Наука, промышленность, сельское хозяйство, армия и образование разрушаются. Рождаемость и нравственность падают. Смертность, проституция, наркомания растут. Где начало этих процессов? Кто их инициирует?

Сегодня мир столкнулся с нетипичным способом ведения войны. Проигрывается одна партия за другой. По миру прокатилась волна странных революций. Кольцо сжимается. После событий на Балканах, в Афганистане и Ираке, после того, как пали постсоветская Грузия, Украина и Киргизия, легко угадываются последствия. Кем-то подталкиваемые народные массы во Франции устраивают беспорядки, в постсоветских странах – свергают правительства.

Ситуация напоминает преддверие Второй мировой войны, когда на границах России наблюдалась повышенная активность вермахта. Сегодня не только в пограничной зоне, но и внутри страны, в самом ее центре, заметна активность. На этот раз информационных войск. Просто так ни информационные, ни армейские силы в движение не приходят, поэтому в воздухе витает напряжение.

Легко просматривается, что за всей этой чередой странных «революций» и массовых беспорядков стоит единый центр управления.

В общих чертах многие понимают серьезность ситуации. Но никто ничего не может сделать. На сегодня нет даже представления о том, кто и как воюет против России. В печать просачиваются никак не связанные между собой факты, например, о некоем мало известном институте «Санта Фе» в США, который занимается безобидными, однако засекреченными, социальными исследованиями. Заказчиками почему-то выступают Пентагон и ЦРУ. Их разговоры о технологии смены власти без военных конфликтов, в рамках закона, никто всерьез не воспринимал. Это казалось чем-то вроде чудачества. Как можно какие-то технологии сравнивать с танковыми дивизиями и ядерным оружием? Но произошли странные «революции», и

мир понял, что вступил в новую эпоху. Решающее значение приобретали непонятные новые технологии.

Похожесть сценариев «бархатных» революций наводит на мысль, что вроде бы ясно, откуда ветер дует. Но что с этим делать? Непонятно, как враг будет действовать. Завоюет, а что дальше? Это непонимание играет не только против России, но и против Европы, и, если хотите, против всего мира. Если во время наступления гитлеровских войск население знало, что его ждет, то сегодня оно не просто находится в полном неведении – люди дезориентированы. Им внушают, что происходящие события есть признак цивилизации и свободного общества. Что постоянные смены правительств и массовые беспорядки – признак здорового демократического общества.

Комментарии на эту тему больше затуманивают положение, нежели проясняют его. Но основная масса людей успокаивается таким «объяснением». Успокоившись, они продолжают играть в свои «игрушки». В итоге общество, образно говоря, оказывается сидящим на паровом котле, в котором постоянно растет давление. Нетрудно догадаться, чем это закончится, если не предпринять действенных мер.

Такая ситуация бывает в шахматах, когда изобретается принципиально новая стратегия игры. Мастер, подобно ледоколу, ломает старые методы защиты, делает парадоксальные ходы и обыгрывает всех неожиданным способом. Механическое изучение последовательности ходов бессмысленно, потому что не раскрывает сути стратегического мышления. Все уже знают, какой следующий ход он сделает, всем все понятно, но это не спасает от поражения. Победоносное шествие продлится до тех пор, пока не будет уловлена логика ключевого момента и станет понятно, с какого мгновения начнутся необратимые последствия. «Разбор полетов», сосредоточенный на этом моменте, дает новую стратегию обороны. Ответное стратегическое мышление приводит систему в равновесие. И снова победа в дальнейших битвах будет зависеть от личных качеств игроков. И так до тех пор, пока не появится новая оригинальная стратегия.

Глава 2

Благие намерения

Серьезность положения осознается всеми думающими людьми. Воспринимая беды России как личное поражение, многие горят желанием помочь стране. Одни борются с наркоманией, другие с безнравственностью, третьи ломают голову, как спасти экономику от надвигающегося кризиса, четвертые формируют патриотические СМИ. В рамках своего понимания и возможностей они делают много полезных и важных дел. Низкий поклон им за это. И все же, рискуя обидеть этих благородных патриотов, следует сказать, что до тех пор, пока каждый исправляет только видимую часть проблемы, не касаясь целого, энергия будет уходить «в гудок». Честные люди не превратятся в реальную силу, потому что каждый, делая часть, думает, что делает целое. Чтобы иметь шанс исправить ситуацию, нужно подняться над своими амбициями, над своей маленькой правдой. Признать, что каждый из нас прав в своей области, но не прав в целом. Борьба с наркотиками – это хорошо. Оздоровление экономики – отлично. Решение демографической проблемы – замечательно. Но пора понять, что если болен весь организм, бессмысленно лечить руку. Если капает с потолка, надо бороться не с лужей на полу, а с дыркой в крыше. Чтобы спасти тонущее судно, нужно все силы бросить на заделывание пробоины. Если спасать отдельные каюты, утонут все. Действие имеет смысл, если оно скоординировано с общим планом. Действие ради действия бессмысленно. Сегодня тонет весь мир, но где взять людей, способных озадачиться проблемой такого масштаба? Кто сегодня хотя бы в мыслях может озадачиться не только спасением своей страны, но и всего мира?

Возникает дилемма: или бездействовать под предлогом незнания, что же делать, или действовать, заведомо сознавая, что глобально это ничего не меняет. Второй вариант предпочти-

тельнее хотя бы потому, что остается шанс понять, что делать, и перейти к конструктивным действиям. В бездействии шансов нет. Бездействие приводит человека к конфликту с совестью. Поэтому, выбирая, куда направить свои ресурсы, на увеличение личного потребления или на восстановление храмов, предпочтительнее всегда будет последнее. Хотя бы ради самооправдания.

* * *

Чтобы узреть корень беды, нужно отказаться от шаблонного мышления и озадачиться одним-единственным вопросом: в чем причина? И ответив на него, определиться: с чем и как бороться. Станет ясно, на чем сосредоточить усилия. Без обозначения краеугольного камня, то бишь цели, ради которой нужно действовать, невозможно начать последовательную работу.

Мы касаемся очень большой проблемы. Самой большой из всех известных. Из истории видно, что успехов в этой области достигали не те, кто говорил общие слова, а те, кто имел цельное мировоззрение, позволявшее видеть корень проблемы. Насколько верно видели, это другой вопрос. Главное, они видели. Они осмысливали ситуацию меркой, соответствующей ситуации. Например, революционеры 1879 года считали, что вся проблема Франции в монархии. Если передать власть парламенту, остальное исправится. Русские коммунисты считали, что источник бед России – частная собственность на средства производства. Если передать фабрики, заводы и землю в руки государства, остальные проблемы решатся сами собой. Как только фиксировался диагноз, становилось понятно, что дальше делать.

Как показала история, революционеры поставили неверный диагноз, но речь сейчас не об этом. Мы говорим о значимости цельного понимания ситуации, которое, даже будучи ошибочным, позволяет действовать, неизбежно давая крупные результаты. Если не осмыслить ситуацию в соответствующем масштабе, борьба сведется не к борьбе за власть как за инструмент, необходимый для реализации задуманного, а к борьбе за власть ради власти, как инструмента, позволяющего реализовать свои маленькие цели. В лучшем случае к выбиванию льгот, то есть к тому, чем сегодня занимаются бесславные подражатели революционеров. Коммунары хотели строить коммуны, а большевики коммунизм, потому что это было логическим продолжением их идеи. Власть была им нужна не для пополнения банковских счетов, а для реализации идеи. Сегодняшние коммунисты не хотят строить никакого коммунизма, потому что ушел масштаб осмысления. Все свелось к требованиям бытоустроительного толка, то есть к профсоюзной работе. Это те тред-юнионы, против которых выступал еще Ленин.

Вокруг призывов повысить пенсию или стипендию можно собрать толпу для погрома, но невозможно образовать силу, способную прийти к власти и переделать общество. На популистских лозунгах можно в парламент, например, выбираться, но настоящую команду вокруг них собрать нельзя. Все современные политические партии представляют жалкое зрелище. Особенно это хорошо заметно в России, только начинающей погружаться в прелести демократии. Русские еще надеются, что они не доросли до демократии, и однажды станут настоящей демократией с настоящими выборами и прочее. Пока они не понимают, что это еще более несбыточная утопия, чем строительство коммунизма. Ни в одной стране мира нет демократии в заявленном виде. Все европейские страны, уже не первый век пытающиеся культивировать эту модель на себя, давно понимают ее ущербность. Но сделать ничего не могут, и потому создают видимость демократии. Все, кто хоть однажды касался этой темы на практике, подтвердит справедливость этих слов. Тешат себя надеждой построить ту демократию, о которой говорится в теории, только новообращенные в демократическую веру, еще до конца не распробовавшие ее прелестей. Ради этого они терпят бутафорские партии, которые больше похожи на коммерческие конторы. Формально в этих партиях по 50 000 «партийцев», но фактически ни одного. Вместо людей – подписи, собранные студентами, пенсионерами и безра-

ботными, примерно по 20 рублей за каждую. Ни у кого нет иллюзий относительно истинных целей подобных партий и собравшихся в них людей. Но русские надеются, что однажды практика будет соответствовать теории. Далее будет доказано – зря надеются. Французы прошли двухвековой путь, и исходя из своего печального опыта говорят, это тупик.

Не имея масштабного понимания ситуации невозможно узреть корень проблемы. А без цели борьба за власть вырождается в борьбу за голоса избирателей. Мелкое мышление автоматически измельчает цель. Чтобы видеть корень, нужно мыслить в соответствующем масштабе.

Чтобы увидеть причину, по которой тонет корабль, нужно спуститься в трюм. Кто рассуждает не выходя из каюты, тот никогда ничего не увидит и не поймет. Когда каждый пытается осмыслить ситуацию, исходя из видимой ему части, неизбежно получается оглушение ситуации. В итоге учителя видят спасение в возрождении школ. Ученые – в восстановлении науки. Врачи – в устранении наркомании. Демографы – в рождаемости. Военные – в армии. Хозяйственники – в промышленности и т. д. Это безусловно хорошие люди, но, пока они не видят целого, кардинальное решение проблем невозможно. Благие намерения сведутся к приспособлению под реалии Смутного времени. Если бы Минин с Пожарским спасали Россию хождением вокруг Кремля с плакатом, требующим повысить пенсию, поляки бы выбрали их в думу. Если бы Жанна д'Арк занималась благотворительностью, англичане бы ее святой объявили, а не на костре сожгли. Если бы генерал де Голль спасал Францию восстановлением экономики, фашисты вручили бы ему Железный крест.

Снова Францию, Испанию, Россию и другие страны обволакивают смертельно опасные проблемы. На этот раз со своими особенностями. Упомянутые страны в реанимации, но их лечением занимаются санитары, завхозы и мародеры. Одни делают бессмысленные примочки, другие причитают и охают, третьи под шумок с пальца кольцо стягивают.

В захваченных городах всегда звучит музыка победителей. В Берлине 1945 года во всех ресторанах и кафе звучали советские песни. Зайдите сегодня в парижское, московское или мадридское кафе, послушайте, какая музыка там звучит, и вы поймете, кто стоит за новой технологией оккупации. Нас побеждает что-то нечеловеческое. Ритмы в стиле «бум-бум», не имеют корней. Это что-то механистическое, технократическое, чужое, вызревшее из недр безбожной потребительской цивилизации, которая растворяет в себе все живое и человеческое.

Глава 3

Идея

Сила, способная вывести страну из кризиса, может возникнуть в результате объединения разрозненных частей в целое. Для этого нужно привести в движение социальные энергии. Это, в свою очередь, требует цельного мировоззрения, дающего объяснение происходящим процессам, и носителей идеи, собравшихся в единую команду. Без идеи патриоты похожи на врача, многословно описывающего болячки больного, но не ставящего диагноза и не предлагающего лечения. Нельзя бороться за все хорошее и против всего плохого, не уточнив прежде, что понимается под хорошим и плохим. И израильтяне, и палестинцы воюют за хорошее. Беда в том, что у них разное понятие о хорошем. Нельзя строить «вообще» хорошую Россию или фракцию, не уточнив, какая именно государственная модель под этим понимается, так же, как нельзя создавать вообще «хороший» двигатель, прежде не уточнив принцип его работы. Если в ваших руках глина, вы не сделаете из нее ничего, пока не решите, что конкретно будете лепить – кирпич или кувшин.

Попытки оперировать социальной энергией без цельного учения превращаются в торгашество. Комично выглядит армия, состоящая только из обоза, без боевых частей. Еще комичнее – государство из одной экономики, без идеологии. Сегодня патриотические энергии или распыляются, или имеют отрицательный вектор, потому что нет понятной непротиворечивой

идеи, хотя бы теоретически позиционированной как ценность, за которую умереть не жалко. Демократическая демагогия, бытовой национализм, мытье сапог в Индийском океане или ностальгия по СССР – все это что угодно, но только не идея. Сами по себе призывы бороться с падением экономики и рождаемости, ростом смертности и преступности тоже не идея. Это лишь фиксация язв, тогда как нужно обнажить их корни.

Сегодня много говорят об идее, но никто не указывает, что же есть эта самая идея. В результате благие пожелания в духе «чтоб всем было хорошо, а плохо не было» принимаются за идею.

Что же такое идея? Это главный, основополагающий принцип, определяющий природу объекта и характер его деятельности. Например, идеей двигателя является принцип перехода одного вида энергии в другой. Идея парового двигателя одна, бензинового двигателя другая, электрического третья, и т. д. Все остальное – дизайн, цвет, вес и прочие параметры – вторично. Пожелания типа «чтоб он хорошо работал», не есть идея двигателя. Пока не будет конкретно сказано, какова идея предлагаемого объекта, создание его нереально.

Государство – это гигантский механизм. Идея двигателя – источник энергии. Идея государства – источник власти. Идея государственных моделей происходит из разных принципов формирования власти. В этом контексте есть три источника власти – Народ, Сила, Религия. В рамках этих направлений развивается любая политическая теория. Власть или выбирается народом, или захватывается силой, или считается данной от Бога. Один из трех вариантов становится компасом, указывающим генеральное направление. Если направления нет, страна уподобляется кораблю, плывущему неизвестно куда. Как говорил Сенека, такому кораблю ни один ветер не будет попутным. Безыдейным «судном» будет крутить Рынок.

Глава 4

Фотография ситуации

Европа и Азия, Африка и Америка, Запад и Восток оказались перед лицом реальных угроз. Экология, глобальное потепление, перенаселение, ресурсное истощение и прочие проблемы, имя которым легион, сжимаются вокруг человечества. Как ребенку невозможно заметить передвижение часовой стрелки, так человеку невозможно заметить движение такого масштаба. Но стрелка движется...

Процессы имеют целенаправленный характер, из чего следует, что кто-то их инициирует. Кто это, мы увидим позже, а пока отметим, что все мировые державы, обладающие огромной территорией, ресурсами и необычным народом, самым фактом своего существования мешают установлению мирового господства. Их не раз и не два хотели расколоть, но все попытки силового решения не дали ожидаемого результата, а в некоторых случаях дали обратный результат. Например, мощь России после каждой отраженной агрессии росла.

* * *

Во второй половине XX века был разработан принципиально новый, не силовой план уничтожения традиционных государств. Впервые в истории человечества в качестве основного инструмента наступления были задействованы манипулятивные технологии. Ранее они тоже использовались, но исключительно как вспомогательное средство. В новом типе войны упор делался не на промышленные и стратегические объекты, как в классической войне, а на сознание. Идеологическая бомбардировка сознания заменила традиционное мировосприятие потребительским. На основе чужой мировоззренческой базы создавался светлый миф о потребителем обществе и темный – о традиционном. В государственном организме после таких идеологических бомбардировок возникали глубокие трещины, куда стали забивать различные

«клинья», – от преклонения перед потребительским образом жизни до безнравственности. В итоге структура страны начинала разваливаться. Никто толком ничего не понимал, потому что ни одно правительство не охватывало весь объем ситуации. Начавшиеся процессы воспринимались как стихийные. Если с чем государственные лидеры и боролись, то исключительно со следствиями. Они тратили силы на сокращение рабочего дня, увеличение сферы развлечений и прочее. Глубинные корни проблемы оставались вне поля зрения.

При помощи такой технологии был развален СССР. Через пару десятков лет расколот Россию. Расколот не силой, а через изменение принципа формирования власти. Сегодня власть в нашей огромной стране должна постоянно, раз в четыре года, меняться. Вне зависимости от того, какой правитель, хороший, плохой или золотой, новая система предписывает менять его в любом случае. Это нововведение в перспективе не оставляет шансов сохранить целостность большой страны. Когда нарушается фундаментальное условие стабильности системы – преемственность власти, страна неизбежно оказывается во власти группировок, состоящих из обывателей-временщиков. Далее, по логике событий, эти группировки начинают войну друг с другом за портфели и ресурсы. Какой бы сильной страна ни была, при такой системе грядет неминуемое ослабление.

Сегодня, с высоты прожитых лет, мы видим: все получается как по писаному. У России нет ни единого шанса сохранить свою целостность в условиях демократии. Пока ее спасает манна небесная в виде дождя нефтедолларов. Если бы не такой подарок, России уже не должно было быть. Тот факт, что она до сих пор сохраняет свою целостность, иначе как чудом не назовешь.

Чтобы осознать неизбежность разрушения, нужно понимать, что всякая власть по своей природе тяготеет к постоянству и преемственности. Это ее естественное состояние. Если же воспрепятствовать этому тяготению, начнутся разрушительные процессы. Регулярная смена руководящего состава гарантирует развал страны. Это факт, вытекающий из природы человека. Не может правитель, имея власть на час, строить планы на два часа. Не может временщик относиться к объекту как хозяин. При системе правления «халиф на час» государственно-стратегическое мышление заменяется сиюминутно-коммерческим. Это, в свою очередь, провоцирует постоянный передел в экономической и административной сферах. В итоге рушатся ключевые узлы конструкции, растет социальная напряженность. Когда масса негатива достигнет своего критического состояния, государственная конструкция развалится сама собой.

Временная власть не в состоянии противиться обозначившимся тенденциям, потому что действия временщика определяются не долгосрочной целесообразностью, а сроком, на который получена власть. Краткосрочные программы, ориентированные на сиюминутное благо, без генерального направления приобретают разрушительный для общества характер. И дело не в личных качествах того или иного человека, а в сущности системы. От нее зависит формирование типа сознания и модели поведения. Люди всегда выполняют правила, которые диктует система. Поменяйте систему – изменятся люди. Кто определяет правила игры, тот определяет поведение игроков.

Демократические выборы власти можно назвать мощнейшим средством ослабления и развала любой страны, и крупной особенно. При демократии битва за власть превращается в битву технологий манипуляции сознанием. Фактически система выборов осуществляет селекцию кадров, пропуская к «рулю» только тех, чьи обещания более правдоподобны. Такой принцип комплектации руководящих кадров означает, что все ключевые посты должны занять люди с психологией хищника. Осознавая временный характер своей власти, они будут стремиться взять как можно больше, а дать как можно меньше. Власть никогда не будет пониматься ими как бремя и способ служения народу и Отечеству. Для победивших на выборах власть в первую очередь есть «халявный» ресурс, позволяющий решить вопросы материального и амбициозного характера.

На сегодняшний день сознание правительства моделируется условиями, возникшими вследствие демократических процессов. Когда вместо ясных и понятных ориентиров предложены предельно общие термины: «свобода», «равенство», «процветание» и прочее, власть не имеет понятия о генеральном направлении движения. В итоге она ориентируется только на экономику. Государственное мышление подменяется коммерческим. Далее начинаются ослабление и разрушение промышленности, образования, науки, армии. Происходит так не потому, что страна в одночасье наполнилась плохими людьми, просто коммерческий подход убивает некоммерческие институты. Даже экономика, если нацелена не на благо общества, а на голую прибыль, превращается в пылесос, высасывающий из общества все соки. В условиях тотальной коммерции врагам остается только заботиться о том, чтобы коммерциализация политики и постоянная смена власти присутствовали в жизни общества. Остальное пойдет своим чередом, потому что на рынке выживает тот, чья продукция приносит больше выгоды. Так вот, толкать человека вниз всегда выгоднее, чем тянуть вверх. Это условие предопределяет вектор развития. Обратите внимание на одну прелюбопытнейшую деталь России. Все зачинщики «оранжевых революций» требуют от русских одного: соблюдайте Конституцию. Казалось бы, с чего это США вдруг так озаботились соблюдением закона России? А с того, что действующая на сегодня Конституция объявляет «текучку кадров» центральным требованием. На практике это требование в России еще ни разу не выполнялось в полной мере. По сей день империя после всех потрясений худо-бедно существует лишь потому, что сохраняется преемственность власти. КПСС, Горбачев, Ельцин, Путин – все это звенья одной цепи, продолжение советской власти. Система стремительно разлагается, но она еще существует. Когда преемственность исчезнет, – система развалится. Страна превратится в город, отданный на разграбление. Картины будут воровать не посредством махинаций, а вырезать ножом. То, что мы видим, – еще цветочки. Ягодки впереди, когда порвется великая цепь преемственности. Порвется и ударит, как у Некрасова, «одним концом по барину, другим по мужику». В бывших республиках СССР, где удалось нарушить преемственность власти, – на Украине, в Грузии, Киргизии – начался период активного распада. «Правители», выгнанные «из ниоткуда», скоро уйдут в никуда. Их сменят другие такие же, и так до тех пор, пока агрессор не решит, что нужная кондиция достигнута. Когда черновая работа завершится, новые земли включают в чужую систему. Сначала не силовыми методами, а потом по ситуации.

* * *

Открытый рынок так устроен, что всякого, кто попал в его сети, он не отпускает. Он высасывает ресурсы, не оставляя шансов. Людям говорят пустые красивые лозунги, призывая «сохранить свободу и независимость». В итоге обманутые своими руками ломают свой дом.

Чтобы исключить всякую форму преемственности, руководящие лица не просто должны меняться. Что толку менять Ельцина на Путина? Процесс разграбления идет слишком медленно, и враг опасается: вдруг за это время что-то произойдет, вдруг какая-то новая сила взрвет, как не раз бывало в нашей истории, и Россия снова окажется в силе? Вот США и куют железо, пока горячо. Чтобы процесс разрушения ускорился, ключевые посты должны переходить в руки оппозиционной команды. Новая команда должна быть именно оппозиционной. Это гарантирует полную смену высшего и среднего управленческого звена, исключая любую форму преемственности. Из оппозиционной элиты сформируется правительство, члены которого гарантированно будут людьми с микроскопическим масштабом мышления – другие просто не могут играть в игру «отстоим свободу». Действия «маленьких», когда они придут к власти, заранее понятны – они начнут передел в экономической и административной сферах. Даже если новыми лидерами станут честные люди, ничего не изменится. При нечестных раз-

рушительные процессы пойдут быстрее, при честных чуть медленнее, но они пойдут в любом случае.

Далее социальные энергии из созидательного русла будут перенаправлены в разрушительное. Неустойчивость власти рождает кучу начальников, не понимающих ситуации и не знающих, что делать. *«Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников»* (Пр. 28, 2). В такой ситуации огромная Россия должна будет развалиться на ряд карликовых государств. Аналогичная судьба ждет все традиционные страны. Например, после окончательного разрушения ключевых узлов Франции Западная Европа будет полностью беззащитна. После падения России беззащитной становится не только Восточная Европа, но и весь мир.

Возникает закономерный вопрос: а как же США, цитадель рыночной демократии? Не надо заблуждаться. В США функционирует постоянная власть. Меняется только ее видимая часть. Силы, задающие генеральное направление, остаются неизменными, сохраняют преемственность и наследственность. Примерно так, как это было в СССР, утверждавшем, что власть выбирается народом. Разница только в том, что выборный спектакль в США качественнее продуман.

Европа первый раз пожалала зримое логическое развитие демократии в виде фашизма. Но это еще не самое страшное. В обозримом будущем выборная система принесет еще большие проблемы. Очевидна тенденция ускорения калейдоскопа смены правительств. Например, в 2000 году Франция, под давлением «общечеловеческих прогрессивных сил», сократила президентский срок с семи лет до пяти. Через пять лет смена власти возможна, через десять обязательна. Десять лет в идеальном варианте, но что такое для Франции десять лет? Но даже и эти десять лет не гарантированы. Множество группировок, претендующих на власть, используют любой реальный или надуманный повод, чтобы сместить правительство и самим занять «тепленькое» местечко. Сегодня политическая борьба живет не по социальным законам, а по коммерческим. Она принесла с собой конкуренцию и вытекающие из нее правила, нравы и способы.

В России, превышающей массой Францию, ситуация еще печальнее – предписывается менять власть каждые четыре года и максимум не более двух сроков. В условиях надвигающегося энергетического кризиса и проблемы перенаселения планеты, Россия, мировая сокровищница с вымирающим населением, оказывается слишком привлекательным куском. Уничтожение этой страны находится во второй фазе операции. Первый шаг – установление системы, объявляющей постоянную смену власти главным условием, – пройден. Фундамент для «оранжевых революций» создан. Через четыре года смена власти возможна, через восемь лет смена власти обязательна. Если на момент возможной смены есть шансы сохранить преемственность, то на переломном этапе, в момент обязательной смены власти, таких шансов быть не должно.

В таких условиях слабой команде не удержать Россию. Править такой страной может только очень сильная команда. Но тотальная безыдейность верхов исключает образование настоящей силы. Последние времена не обещают ничего хорошего ни для Франции, ни для России. Версаль и Кремль превращаются в проходной двор. Следом грядет ослабление и крушение. Когда уйдут лидеры, США «проедут» по остальному миру, как танк по соломенным шалашам. И никакая экономика не защитит.

Не надо обманываться нарастающей экономической мощью некоторых стран, например, Китая. СССР был еще мощнее, и где он теперь? Светская природа Китая содержит в себе зерна разрушения. Однажды они прорастут и произведут те же разрушения, что произвели в СССР.

Россия опасна для США в первую очередь не своей экономикой, а своим потенциалом. На сегодня это единственная христианская империя, сохранившая религиозный фундамент. Более детально вопрос о значении этого фактора будет рассмотрен далее.

* * *

«Китами» всех «оранжевых революций» являются три составляющие – оппозиционная элита, недовольные массы и коммерческие СМИ. К часу «X» народ приучат к мысли, что действующее правительство виновато во всех бедах, и его надо заменить. Далее, с одной стороны, на улицы выводятся массы (это чистая техника), с другой стороны, раскручивается бренд какой-нибудь оппозиции. «Свободные» СМИ освещают события с соответствующими комментариями, и смена правительства готова. Наиболее ярко эти технологии проявляются на постсоветском пространстве.

Вероятность, что ситуацию будут разыгрывать региональные лидеры, – стопроцентная. Под лозунгами независимости и суверенитета, опираясь на «мнение народа», они сделают все возможное, чтобы выскочить из-под влияния столичной власти. Энергии «удельных князей» и «новых вишистов» организаторы «революций» обязательно задействуют в своих интересах.

На этом поле идет очень серьезная игра. Упор делается на амбиции «маленького» человека, стоящего у власти. Всей ситуации он не понимает, и потому несложно внушить мысль, что быть президентом независимого государства лучше, чем быть назначенным губернатором. В итоге возникает целая армия «борцов за свободу». Фокус в том, что их не надо даже финансировать. Они сами, как ослы, пойдут туда, где им повесили «морковку». Достигая своей мелкой цели, они будут работать на чужую, неведомую им стратегическую цель, которой даже не осознают. Миллионы «бойцов», используемых США втемную, побеждают свои страны.

Потом, когда будет устранено последнее крупное препятствие на пути к мировому господству, США примутся активнее крошить «независимых» и суверенных. До этого момента масштабные игроки будут спекулировать стремлением к сиюминутному благу.

Россия такая огромная, что и после возможного отпадения некоторых территорий по-прежнему останется одной из самых больших стран. Для достижения главной цели ее будут дальше ослаблять нашими руками с помощью оппозиционного «мелкого» правительства.

Конечная цель всех этих процессов на постсоветском пространстве состоит в уничтожении народов, населяющих территорию экс-СССР, и в перераспределении их ресурсов в пользу «золотого миллиарда». Способ выбран простой и эффективный – самоуничтожение. Для его инициации спланированы, скоординированы и запущены параллельно сразу несколько направлений: уничтожение национальной культуры, языка, национальной религии, образования, здравоохранения, производства, армии. Сейчас полным ходом идет деградация семьи, морали, школы. Духовный мир человека перекрашивают в черные цвета. Добавьте к этому «половое воспитание», проституцию, наркоманию, алкоголизм – и картина сложится более-менее полная.

Круг порочный и самоподдерживающийся. Выбраться из него крайне сложно. Особенно в атмосфере демократической риторики, когда кругом говорят высокие слова о возрождении государственности, нации и светлом будущем, но тут же делают все, что ведет к уничтожению и государства, и нации, и светлого будущего.

Если кто-то из правителей прозреет и поймет смысл происходящего, это ничего не изменит. Получится как в Библии: *«Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»* (Еккл. 1:18). Иллюзии самых честных людей рассыплются, потому что любой умный человек поймет, что за четыре года в масштабе такой громадины как Россия даже силами единой команды ничего не сделаешь. Противоречивый коллектив, наспех сколоченный из оппозиции, движимый стремлением к прибыли и тщеславию, тут вообще недееспособен. Когда произойдет крушение прежних установок, включатся механизмы коллективного бессознательного – состояния, при котором человек утрачивает свои сознательные установки и оказывается во власти инстинктов. Так ведут себя люди в состоянии паники. Новые правители уже

через месяц шестым чувством почуют гибельность ситуации. Спасаясь, они начнут строить «запасные аэродромы» и совершать прочие действия, стандартные для всех временных правителей. Это будет усиливать кризис, порождая новую волну недовольства и новую оппозицию. И снова все по второму, третьему и так далее кругу. До тех пор, пока система не будет разрушена.

По сути, любое временное правительство с момента прихода во власть готовит «дрова» для топки следующей «революции». Ситуация безвыходная, потому что врагов как бы нет. Всех, и массу, и элиту, и даже технологов, используют втемную, как инструменты. Потому что человек без цельного мировоззрения всегда инструмент, который продается, как картошка на базаре. У него нет принципов, и он готов делать что угодно, если ему выгодно. Как правило, вопрос в цене. Любая работа определяется не глобальной целью, а фактом сиюминутной выгоды. Если выгодно вставлять в фильм эротичные сцены, их будут вставлять. О том, что это способствует уничтожению народа, «инструмент» даже задуматься не способен. Он просто хочет заработать денег, потому что ему семью кормить надо и самому иметь возможность развлекаться.

Реальную цель видят только большие игроки, планирующие все эти революции и демократии. Они всем, от дворника до политика, развешивают «морковки» в нужных местах, и люди идут в нужных направлениях, удовлетворяя свои сиюминутные потребности. Массы хотят хлеба и зрелищ. Элита рвется к бюджетной кормушке. Технологи зарабатывают деньги. Все при деле, но никто не понимает общего характера и направленности действия, в котором они принимают участие.

Мир убедился в чудовищной эффективности новой наступательной технологии. «Бархатные» революции прогремели по планете громче, чем взрыв в Хиросиме и Нагасаки. Но его слышали только некоторые. Масса по-прежнему пребывает в неведении, *«и сбывается над ними пророчество Исаи, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите»* (Мф. 13, 14). По факту эти «бабочки-однодневки» сами своими руками роют себе могилу. И никто из них никогда не сможет просчитать долговременный вред от своего действия и бездействия. Человечество с завязанными глазами бежит в пропасть, и остановить его пока некому. Сегодня для разрушения России, Франции и любой другой страны используют не коварных диверсантов, а собственные социальные энергии разрушаемой страны. Какой-то злой стрелочник перевел стрелку, и поезд помчался в пропасть.

* * *

Недееспособность всех системообразующих институтов делает ситуацию неуправляемой.

Население. Не понимает сути происходящих процессов. Разрушение страны большинством воспринимается как естественный ход событий.

Никто не хочет оценивать ситуацию по результатам. Все оценивают ее по репортажам СМИ, упорно навязывающим мнение «все хорошо, прекрасная маркиза». Если бы люди могли провести сравнительный анализ, они бы увидели, что, когда Россию или Францию бомбили настоящими бомбами, они несли несравнимо меньшие потери в живой силе и экономике. Сегодня, в так называемое «мирное время», традиционные страны теряют больше, чем во время любой войны. И эти потери лавинообразно нарастают. Но население вместо солдат во вражеской форме и падающих с неба бомб видит неоновую рекламу, захватывающие сериалы и гляцевые журналы. В таких условиях правильно оценить ситуацию народ и «выбранное» им правительство не могут.

Правительство. Система «халиф на час» пропускает к рулю только «маленьких». Если попадутся «взрослые», ограничение в сроке правления исключает действия, адекватные ситуации. В условиях временной власти органы управления оказываются захлестнутыми сиюми-

нутной политической и экономической текучкой. Стратегическая активность исключается в принципе. Правители живут от выборов до выборов. Долгосрочная стратегия просто не может образоваться в таких условиях.

Армия. Беспомощна против используемых технологий. О каком противостоянии можно говорить, если сфера действия пушек и сфера действия информационного оружия находятся в разных плоскостях? Самый современный танк бессилён против телевизора. В сложившейся ситуации бесполезны любые армии и любое оружие. «*Не спасется царь множеством воинства, исполина не защитит великая сила*» (Пс. 32:16). СССР был равен по военной мощности США, но это не защитило его от разрушительных технологий третьего тысячелетия. Мощный в военном плане, но бессильный идеологически, СССР потерпел сокрушительное поражение.

Религия. В условиях дезориентации и духовной выхолощенности население воспринимает веру как нечто отдельное от жизни. Вера сама по себе, жизнь сама по себе. В итоге ориентир по жизни каждый сам себе выдумывает. СМИ, призывающие «брать от жизни все», становятся главным пророком. В здоровом обществе вера побуждает человека действовать адекватно ситуации. Сегодня подавляющее большинство христиан считает, что участвовать в судьбе своей Родины – это политика, грязное дело. А посему Родиной должен заниматься кто угодно, только не христиане. Если наши предки считали показателем веры участие в судьбе своего Отечества, то наши современники показателем веры считают неучастие. Максимально дистанцируясь от проблем Отечества, они свели веру к выполнению обрядов. Но винить в этом людей не стоит. Такое понимание веры не само по себе образовалось, его смоделировали.

Спецслужбы. Недееспособны. Оставаться в рамках существующей системы и одновременно противостоять событиям, которые эта система провоцирует, ни практически, ни теоретически невозможно. Тактика «оранжевых» технологий носит сугубо законный характер. Разрушение государства достигается «законными» методами, на базе Конституции. Основной закон любой страны, объявившей себя демократической, охраняет силы, разрушающие ее основы. Это выглядит как театр абсурда, но тем не менее это факт. Получается, чтобы защитить государственную систему, нужно выступить против законов этой системы. Выступить не эпизодично, как порой бывает в практике спецслужб, а системно. Возникает замкнутый круг, где любое действие или бездействие имеет отрицательный результат. Бездействовать – значит позволить разваливать страну. Предпринять реальные ответные шаги – значит плеснуть керосина в огонь «революции».

Политические структуры. По сути, все наблюдаемые в нынешней ситуации партии являются бизнес-структурами, делающими свой бизнес на проблемах своего Отечества. Изначально созданные на наемном принципе, они привлекали людей, понимающих «партийную» деятельность как способ заработать или сделать карьеру. По своей сути эти «партии» не способны дать ни одного человека, готового бесплатно защищать продекларированные идеи. Если завтра «партийцам» перестанут платить зарплату, послезавтра они разбегутся.

* * *

Горит наш родной дом, но тушить его пока никому. Как говорится, куда ни кинь, всюду клин. Первые признаки недееспособности власти вызовут лавинообразные процессы. И снова, как сто лет назад, побегут наши временные правители на заранее заготовленные аэродромы. А народы вновь окажутся в хаосе, размеры которого невозможно даже спрогнозировать.

Аналогичные процессы идут во всех странах Европы. Невооруженным глазом виден курс на раздробление и национальное выхолощивание государств. Не надо обладать большим умом, чтобы предсказать превращение правительства Евросоюза в аналог революционного парламента Франции образца XVIII века, то есть в неуправляемую стихию. Этой стихии никто не мог противиться, в том числе вожди Революции. Так как при демократической власти тон

задает большинство, растущее число материально ориентированных лиц становится решающей силой. Революционный парламент Франции очень скоро превратился в «болото» (так называли группу депутатов, изначально пришедших в политику ради личной выгоды). Им не было никакого дела ни до свободы с братством, ни до Франции с ее народом. Их мечты не поднимались выше «золотых унитазов». Эти тенденции давно наблюдаются как в Европарламенте, так и в русской Думе.

Простолюдины духа, заполонившие парламент, изменили свое социальное и материальное положение, но не изменили масштаб мышления. Они, не сговариваясь, будут идти в направлении личной выгоды, сметая все на своем пути. Характерный пример с Робеспьером. Стоило ему поднять голос против этой тенденции, депутаты «болота» мгновенно поставили вопрос о недоверии Робеспьеру. Его обвинили в узурпации власти, деспотизме, зазнайстве и прочих грехах, никак не конкретизированных, но густо унавоженных революционной риторикой. Кто-то вынес предложение казнить Робеспьера. Вопрос вынесли на голосование. Большинство проголосовало «за». Голосовавшие ничего не могли предъявить этому крайне принципиальному и честному человеку, имевшему кличку «Неподкупный». «Болото» устраняло не Робеспьера как личность, а Робеспьера как препятствие на пути к личному благу.

Никто не мог противиться инерции движения «болота». Примечательно, что Робеспьеру не дали даже слова сказать в свое оправдание. Все произошло мгновенно, 26 июля был поднят вопрос о казни, 28 июля Робеспьеру отрубили голову. За что? За то, что мешал. Другой вины не было. Многих других впоследствии казнили по той же причине. Революция пожирала своих детей, принявших ее тезисы за чистую монету. Потому что революция к тому времени переродилась в новое существо, по духу противоположное провозглашаемым тезисам. В краткий миг зарождения, когда Бог еще не был забыт, а идол еще не был провозглашен, Революция соответствовала своим словам. Как только революционная стихия породила массу простолюдинов, наделенных властью, лишенных религии и жаждущих красивой жизни, управление стало невозможно. Направление и тон фундаментальным тенденциям стало задавать «болото».

История учит: нация, отринувшая Бога, автоматически начинает поклоняться идолу. Возникают необратимые последствия, которым никто не может помешать. С этого момента люди становятся игрушкой в руках безликой силы. Нарастающая масса уничтожала монархию и любую элиту духа, будь то аристократы или революционеры. Движущей силой революции становился безбожник-простолюдин, рвущийся к ресурсам государства в надежде пожить.

Жозеф де Местр в «Размышлениях о Франции» пишет, что злодеи, которые кажутся вожаками революции, участвуют в ней лишь в качестве простых орудий, и как только они проявляют намерение возобладать над ней, низвергаются. Люди, более чем посредственные, вернее судили о Французской революции, чем люди, обладающие наилучшим талантом. Эти первые сильно верили в нее, в то время как опытные политики еще вовсе в нее не верили. Именно эта убежденность была одним из орудий Революции, которая могла преуспеть только благодаря энергии революционного духа, или, если позволительно так выразиться, благодаря вере в революцию. Таким образом, люди бездарные и невежественные очень хорошо управляли тем, что они называли революционной колесницей. Они отваживались на все, не страшась контрреволюции; они неизменно двигались вперед, не оглядываясь назад. И все им удавалось, ибо они являлись лишь орудиями некоей силы. Как только они пытались плыть против течения, тотчас же исчезали со сцены. Из слов Местра следует, что не люди ведут революцию, а революция использует людей в своих целях.

Становится понятно, что в Думе или Евросоюзе нельзя избежать образования «болота». Это естественное следствие демократических принципов. «Болото» будет задавать направление и тон. Робеспьеров всех мастей «болото» казнит тем или иным способом.

Рассуждения о России из-за недостатка информации носят предположительный характер. Пока непонятно, ее хотят ослабить или уничтожить. Логично думать, что никто не будет

«умножать сущности без необходимости», то есть не будет развивать хаос сверх надобности. Если рассуждать логически, разрушение будет доведено до уровня, позволяющего поразить ключевые узлы и демонтировать ядерное оружие. Далее ее разделят на ряд «суверенных» карликовых государств. Историческая часть России получит роль естественного регионального лидера, выполняющего указания «свыше». Чтобы обеспечить управляемость, действующей на тот момент власти позволят превратиться в постоянную элиту, «элитность» которой не будет выходить за рамки «золотых унитафов». Глобально мыслящих личностей такая система сама будет выдавливать. Возникнет ситуация, подобная поздним монархиям, когда элиту поразило язычество (просвещение). Когда потомки настоящей элиты переродились в богатых простолюдинов, ничем, кроме денег и удовольствий, не интересующихся. Такой «элите» позволят сохранить преемственность.

На первый взгляд кажется, что подобное развитие событий не коснется простого человека. Рядовому гражданину безразлично, кто сидит в Версале или Кремле и какую политику этот кто-то проводит. Но дело в том, что игра против Европы и России ведется не ради власти и доступа к ресурсам. Все это – промежуточная цель. Окончательные цели, ради которых идет сражение, кроются в метафизике. Согласно демократической идеологии, традиционным народам нет места на Земле. Это не предположение. Это утверждение, выведенное из последовательного анализа ситуации на планете. В дальнейшем мы приведем доказательства этому.

Глава 5 О защите

Перед лицом надвигающейся опасности нельзя обманывать себя. При трезвой оценке ситуации выявляется факт, что сегодня нет ни стратегического плана обороны, ни понимания ситуации, ни даже силы, озадаченной поиском ответов на многочисленные вопросы. Политика «халиф на час» превратила власть в хранителя «ключей от амбара», использующего ресурсный «обоз» сообразно своему масштабу мышления. Иначе говоря, не по назначению. Есть немногочисленные интеллектуалы, которые верно оценивают надвигающиеся проблемы. Но одновременно с мощным интеллектом они демонстрируют... мощную импотенцию. По факту своего поведения это те же простолюдины, только наделенные большими талантами, коими и торгуют. Кому и для чего они продают свои таланты, их не интересует и в принципе интересоваться не может, потому что это выходит за рамки их масштаба. Они хотят игрушки и удовольствия. Это определяет всю логику их поведения.

Несмотря на кажущуюся безвыходность, Европа, Франция, Россия и другие страны по сей день располагают возможностями, достаточными для разрешения проблемы. Вопрос в правильном их использовании. Не все битвы проиграны, главные сражения впереди. Каков будет их результат, зависит от того, как сегодня мы с вами себя поведем. Мы – это и интеллектуалы, и правительство, и ресурсные люди, и патриотично настроенная часть населения, и вообще все, кто понимает серьезность ситуации и готов к действиям соответствующего масштаба.

Наша цель – составить представление о стратегической логике врага. Первым делом нам нужно согласиться с Наполеоном, утверждавшим, что проигрывает тот, кто готовится к прошлой войне. Чтобы выиграть современную войну, необходимо уловить тот самый «ключевой момент», о котором говорилось на примере с шахматами. Поэтому откажемся от эмоций и постараемся разобраться в ситуации. Поставим себя на место врага и подумаем, как бы мы вели себя, если бы хотели уничтожить Францию, Россию, и шире – Европу и Мир. Уничтожить не физически, а как общество, то есть сломить и распылить эти традиционные конструкции, превратив их в биомассу.

Первое, до чего бы мы додумались, это до бесперспективности силового варианта (в крайнем случае понимали бы его как вспомогательный). Вслед за этим пришли бы к мысли, что

оптимальный вариант – использовать в качестве разрушительной силы существующие внутри страны энергии. Задача свелась бы к тому, как социальные энергии России направить против России.

Чтобы решить эту задачу, нужно уловить принцип формирования государства. Как образуется государство? Через концентрацию энергии общества в созидательном направлении. Вследствие чего энергии общества начинают течь именно в созидательном направлении? Ясно, что случайно, сам по себе такой целенаправленный процесс начаться не может. Для этого нужен механизм, направляющий естественные человеческие устремления в созидательное русло. В основе работы механизма – стремление к благу. Человеку свойственно искать состояние счастья. Сегодня это стремление задействуется потребительской системой. Она утверждает, что чем больше человек станет потреблять, тем счастливее он будет. Примитивные люди действительно находят счастье в модных утюгах и клубах, рассуждая в стиле лягушек из мультфильма «Дюймовочка»: «Поели, теперь можно и поспать. Пospали, теперь можно и поесть». Личность только от одного предложения искать счастье через «поели-пospали» и обретение модных сандалий с телефонами на стенку лезет. Или в петлю.

Направление движения социальных энергий всегда определяется силой, создающей представление о благе. На заре человечества эту функцию выполняли религия и традиция. С течением времени эта функция переходила к первобытному государству. Чем больше общество оформлялось в государство, тем большее значение приобретала эта функция. Своей главной задачей государство понимало формирование определенного типа сознания. Всегда существовал государственный заказ на то, какими ориентирами должен руководствоваться человек. Учитывалась природа человека, его естественная жажда различных удовольствий, под которыми понимается не только чувственная сфера, но удовольствие от благородства, честности, нравственности. Из людей, способных ощущать удовольствия более высокого плана, формировалась элита духа, которая задавала движению масс нужное направление (подробнее об этом будет сказано ниже). Теория русского монаха Филофея «Москва – Третий Рим» определила поведение России, понимающей себя с тех пор как преемницу Византии и хранительницу мирового христианства, под которым понимает православие. Теория покаянного паломничества как искупительного подвига, где люди сознательно обрекали себя на лишения и смерть, вылилась, например, во Францию, и шире, в Европе, в Крестовые походы. Распространение кодекса рыцаря на все народы произошло благодаря нравственному содержанию понятия «рыцарь». С XIII века французские короли, а впоследствии и многие европейские, хотели быть посвященными в рыцарское звание. Ключевая задача государства сводилась к приданию человеческим желанием нужной формы. Если главная задача государства – формирование сознания – решена, создание экономики или армии есть вытекающее отсюда следствие и вопрос времени. Все крупные государственные деятели христианских стран понимали смысл государства не в развитии экономики, а в обеспечении условий, способствующих спасению души каждого подданного, от крестьянина до герцога и короля. Если государство не обеспечивало этого, оно понималось как бессмысленное. Развитие экономики понималось как вспомогательное средство, способствующее реализации главной задачи.

Контуры сознания, определенные как правильные, поддерживались посредством культуры, СМИ, школы и т. п. Заметим, что в природе не существует развлекательной, научной или специальной информации. Это всего лишь способ ее подачи, не более. Раз информация адресована сознанию, значит, она входит в сознание и совершает действие, его формирующее. Всякая информация формирует сознание, вне зависимости от того, понимает этот эффект создатель информации или нет. Кстати, в большинстве случаев не понимает. Он просто воспроизводит подсознательные установки, вложенные в него в свое время. Из этого следует, что развлекательной информации, в смысле нейтральной, в природе не существует. Вся информация оказывает формирующий эффект.

Способ подачи информации определяет отношение к ней. Сложную информацию, касающуюся основополагающих моментов, никогда не доносят до человека путем логики. Не имеет значения, умный это человек или не очень. Подсознание, от которого он будет отталкиваться всю свою жизнь, принимая то или иное решение, формируется без участия логики. Это единственный способ сформировать устойчивый взгляд на мир. Человек не должен задумываться над главным. Он не должен думать, помогать плачущему ребенку или нет. Защищать женщину или нет. По ключевым вопросам у него должно быть мнение, не нуждающееся в логическом обосновании. Формировать базовые узлы через логику – самый неэффективный путь. Хотя бы потому, что логически поданная информация для простых людей есть сложно усвояемая и плохо запоминающаяся. Однажды человек забудет логику, и информация, став непонятной, потеряет свою силу. А вот чувство он никогда не забудет. Если это чувство крепко, никакая логика его не разрушит. В отдельных случаях даже факты не могут поколебать подсознательных установок. Невосприимчивость к логике делает простых людей очень крепкими в своей вере. Это может играть как в минус, так и в плюс, в зависимости от того, какие установки вложены в сознание человека. Сегодня мы видим минус. Языческое (светское) мировоззрение сегодня очень тяжело поколебать, практически невозможно, потому что оно принято простыми людьми не сознанием, а сердцем.

Сознание человека так устроено, что любую непонятную информацию оно относит к категории бреда, и отбрасывает ее. Ради интереса предложите любому простому человеку отрывок из какой-нибудь философской работы, и он, скорее всего, назовет ее бредом. Не потому, что понял и сделал такое заключение, а потому что не понял. Все, что человеку непонятно, то бред. В непонятное он может только верить, но для этого нужен источник с соответствующим авторитетом.

Поэтому сложные вещи, как правило, внедряются не через сознание, а через чувства, которые формируют подсознание. Главную информацию человеку всегда скармливают контрабандой, минуя логический досмотр. Все эти спецэффекты и захватывающие сюжеты есть не более чем уловка, призванная отвлечь внимание. Пока человек сидит с открытым ртом, ему закачивают основную информацию. Примерно к такого рода уловкам прибегает фокусник, отвлекающий внимание зала, чтоб выполнить подмену, манипуляцию и прочее главное действие. Хоп, что-то вспыхнуло на сцене, зрители повернулись туда, а в это время фокусник осуществил подмену. Фокус-покус готов.

Информацию, вложенную в подсознание, человек никогда не обнаружит. Но при решении главных вопросов он всегда будет отталкиваться от нее. Для всех групп населения информация закачивается своим способом. Для маленьких детей – посредством мультфильмов. Они не просто развлекают вашего малыша, они ставят ему на подсознание программу поведения. Аналогично с более старшими группами. Девушки, наверное, очень удивятся, если им сказать, что глянцевого журнала несут мировоззренческую информацию. Они уверены, что просто рассматривают моду и читают советы, как следить за кожей и делать прическу. Но на самом деле им моделируют сознание. То же можно сказать про сериалы, новости, театр, шоу, «аналитические» передачи, эстраду и прочее. Все это инструменты, с помощью которых настраивается программа поведения и ориентиров. Но самое удивительное в том, что сами создатели моды и сериалов еще больше удивятся, когда узнают, какую мудреную продукцию они выпускают. Знаете, почему? Потому что делают ее «на автопилоте».

Фокус в том, что человек в своем творчестве всегда отталкивается от подсознания. Точка отсчета задает направление мысли. Такое поведение человек будет воспринимать как результат своего мнения. Точка отсчета определяет направление мысли. Если вы подсознательно разделяете потребительское мировоззрение, ваши творческие продукты будут нести потребительскую установку. Но творец об этом никогда не догадается, ему будет казаться, что все это – результат его «свободного творчества». Да, свободного, но в строго определенных рамках. Это

объясняет, почему вдруг наши мальчишки дружно стали царапать на заборах чужие слова, музыканты наигрывать чужие ритмы, а режиссеры снимать фильмы в духе «а-ля Голливуд». А ведь мальчишки с таким же успехом могли бы царапать наши слова. Музыканты играть нашу музыку. Режиссеры проводить наши мысли. Что угодно могли бы. Все зависит от того, кто формировал заказ на установки подсознания. Сегодня по надписям на заборах можно определить, что заказчиком моделирования сознания выступало не наше правительство.

Бессознательное сильнее сознательного. Попробовал бы кто донести до сознания в логике, например, атеистическую информацию. Во-первых, атеистов бы не было. Во-вторых, слушать бы никто не стал. Поэтому сложная информация всегда преподносится в «крутом» и интересном формате. Массы ее впитывают и делают своим ориентиром. Какая это информация, истинная или ложная, для усвоения не имеет значения. Главное, чтобы она подавалась в привлекательном виде. Поэтому когда детям закладывают в подсознание вреднейшую теорию эволюции, платформу атеизма, ее вводят не пересказом нудных научных теорий, а через интересные и захватывающие рассказы и фильмы о динозаврах, живших миллионы лет назад. Косвенное формирование эволюционного мировоззрения приводит к явному формированию атеистического мышления. Примечательно, что непосредственные носители этой информации, например, учителя, ученые и прочие, сами не понимают истинного смысла своих действий. Относительно поднимаемой здесь темы все эти ученые – такие же дети, оказавшиеся во взрослом теле. Чтобы существовать и покупать «игрушки», они вынуждены делать то, за что им платят. Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Будь у них возможность, они с удовольствием бросили бы работу и занялись более «интересными» делами. Каждый мечтает о своей «песочнице», ради которой и живет. Дети-ученые с умным видом рассказывают ученикам про эволюцию и человекообразных обезьян. Они называют их своими предками и даже не задумываются о том, что говорят. Они просто верят гипотезе Дарвина, не утруждая себя осмыслением. Примечательно, что сам Дарвин, говоря о своей гипотезе, до конца жизни утверждал, что первое звено эволюционной цепи приковано к Божьему Престолу.

Если уж ученые оказались в таком положении, что говорить о певцах, журналистах, режиссерах, артистах и прочих деятелях шоу-бизнеса? У них вообще нет шансов осознать свою причастность к формированию сознания. Они «просто» поют, «просто» пишут, «просто» развлекают или деньги зарабатывают. В итоге всех этих «просто» формируется личность. Какая это будет личность, зависит от игрушек, в какие она играла в детстве. Какие мультики смотрела. Что ей пели на концертах и преподавали в школе.

* * *

Сфера воздействия на сознание всегда считалась «вотчиной» государства. Чужих туда не допускали. Вторжение чужих в процесс моделирования сознания рассматривался как смертельная опасность для государства. Чужой мог направить социальные энергии не туда, куда полезно народу и стране, а туда, куда полезно ему. Ярким примером служит сегодняшнее состояние наших умов. Нам пели американские песни, слов которых мы толком даже не понимали. Мы плясали под них на дискотеках. Мы смотрели крутые боевики и эротику, которой нас кормили под лозунгом свободы. В итоге счастливее мы не стали. Но зато из нас сделали развращенных аполитичных потребителей. Большинство после такой обработки обречены всю жизнь вести растительное существование. Без высокой цели и большого смысла.

Как только враг прорвался в сферу формирования сознания нашего народа, первым делом он создал притягательный образ потребительского стиля жизни. Все, что мешало этой задаче, создавался образ отрицательный. Сегодня под знаменем свободы народу продолжают насаждать ориентиры, направляющие нашу энергию против нас. В первую очередь культивируется терпимость к любой категории греха. Все, что может нас интуитивно насторожить, мас-

кируется под невинное развлечение. Прикрываясь разговорами о праве личности делать то, что она хочет, если это не несет сиюминутного вреда, из людей делают моральных уродов. Читателю будет любопытно узнать, что самым надежным показателем динамики того или иного явления служат косвенные показатели. Например, показателем насыщения города героином служит количество передозировок. Количество вызовов «скорой помощи» дает более объективную картину, чем официальные сводки. Если в город попала крупная партия героина, его цена на рынке падает и, как следствие, растет количество передозировок, в том числе со смертельным исходом. Так вот, косвенным показателем развития демократии служит динамика распространения пороков. Педерастия негласно признана самым точным показателем уровня демократии. Международные эксперты в своих исследованиях оценивают ситуацию именно по росту пороков. Все логично. Если всем действительно заявлены равные права, носители порока получают законный статус и пропагандируют свою страсть. Пропаганда увеличивает число людей, желающих попробовать то, что рекламируют. Неважно, что рекламируют, маргарин или какую-то идею. Важно, что начинается рост. Так вот, если педерасты действительно имеют равные со всеми права, они будут стараться оправдать в глазах общества свою страсть. Это всегда выливается в пропаганду педерастии. Сначала к ней культивируется терпимое отношение, потом положительное. Это неизбежно сопровождается ростом педерастии. Если количество педерастов не увеличивается, значит, их права ущемляются, то есть демократии недостаточно.

Массы не усматривают в пороках, последствия которых не проявляются сиюминутно, вреда. Простые люди способны защититься только от того, что имеет мгновенный и очевидный вред. Завуалированный вред, который проявится в будущем, масса не способна разглядеть. В последствиях, порождаемых педерастией, простой человек не в силах увидеть сиюминутный и очевидный вред, и потому беззащитен против этой атаки. Он не охватывает масштаб явления и потому не понимает, что педерасты – это бесплодные клетки, увеличение которых грозит организму уничтожением. В любом организме такие клетки уничтожаются иммунными клетками. Если иммунная система больна, профилактика не ведется, и организм сначала слабеет, а потом гибнет.

Это довольно любопытная тема, требующая отдельного изучения, что не входит в наши планы. Но все же скажем, что раз бесплодные (педерастические) клетки существуют, значит, в них есть какой-то смысл. В качестве гипотезы можно предположить, что их смысл – выполнять функцию тренажера. Иммунные клетки, постоянно борясь с «педерастическими», таким образом поддерживают себя в боевой форме, то есть что-то вроде систематических армейских учений. В итоге иммунная система всегда в форме, а процент педерастов и прочих опасных для здоровья общества отклонений не превышает предельно допустимой нормы.

Человек никогда серьезно не думает на эту тему. Простые люди смотрят на жизнь со своей колокольни. Оценивая события бытовым масштабом и меркой, они делают неверные выводы. Глядя на порок, который преподносится им весело и ярко, они соблазняются его блеском и летят к новым и ярким ощущениям, как бабочки на огонь. В итоге крылья обгорают, и они превращаются в червей, способных только ползать. Летать они уже не могут. И не могут поверить в искренность высоких намерений. Они всех подозревают, ничему не верят, и находят счастье только в чувственных удовольствиях. При таком «воспитании» общество превращается в беззащитную толпу, где каждый сам за себя. Военная теория и практика свидетельствуют: подразделение выживает, если каждый боец готов умереть. Подразделение гибнет, если каждый боец стремится выжить. Аналогично и в мирной жизни, тотальный акцент только на личном благе в итоге всех лишит личного блага. Так не раз бывало в истории. Так устроен мир. Утрата высоких идеалов оборачивается утратой способности к объединению, то есть к созданию структуры. Некогда гармоничная конструкция превращается в хлам.

Сократ в свое время указывал, что простой человек не способен проследить долговременный вред от нововведений в сфере, где вред вытянут во времени. Он говорил, что следует остерегаться даже новой музыки, поскольку она может быть опасна для целостности государства. В способ игры, под видом того, что ничего злого не происходит, вкрадывается новое, меняющее направление сознания. Это новое укрепляется и постепенно, исподтишка, принимается за обычаи и занятия, выходит наружу, проявляясь в общении людей, а затем с великой дерзостью переходит к законам и государственным установлениям, пока, наконец, не перевернет все в личных и общественных отношениях. В итоге все хорошее оказывается плохим, и, наоборот, плохое – хорошим. Самое ужасное, что никто ничего не понимает, потому что перемены идут со скоростью, которую человеческой меркой зафиксировать невозможно.

В словах Сократа глубочайшая истина, осмысление которой приходит, если оценивать общество не бытовой меркой, а государственной и онтологической. Сегодня темные силы, внося вроде бы незначительные детали в окружающую жизнь, достигают грандиозных результатов. Если бы человеку прокрутить процесс разрушения нации в сто раз быстрее, он бы ужаснулся. Но никто не ужасается, потому что скорость разрушения равна скорости таяния ледников, то есть незаметна.

Никто не знает, кто задает направление, но раз направление есть, следовательно, его кто-то задает. Этот «кто-то» – наш враг. Он прорвался к святой святых – формированию сознания нашего народа. Было бы лучше, если бы он прорвался к секретным ядерным объектам.

* * *

Чтобы выносить ребенка, нужно девять месяцев. Чтобы сформировать сознание, нужно поколение, а в идеале два, когда воспитанные новой системой родители воспитывают детей. Только при такой ситуации детям рассказывают сказки бабушки, а не Уолт Дисней. Временный правитель на четыре года даже теоретически не может ставить задач, выполнение которых требует многих десятилетий. На это способна только постоянная власть. Когда ее нет, моделированием сознания занимается враг. Делая из наших людей потребителей, он убивает страну.

Когда правительство начинает оценивать государственные события мерками быта, страна превращается в беззащитную, легко разрушаемую конструкцию. Как черепаха без панциря. Массы, стремящиеся к чувственным удовольствиям, ничего не видят и не замечают. Они пляшут, поют и идут за «морковкой». Впереди временные правители несут «морковное» знамя – демократию. То, что «морковка» висит в направлении пропасти, никого не смущает.

* * *

Разобравшись в логике противника, озадачимся стратегией обороны. Генеральная линия выводится из целей, противоположных целям противника. Если целью врага является постоянная смена власти, на фоне которой организуется разрушение ключевых узлов структуры, следовательно, нашей генеральной целью является преемственность власти. Сама по себе постоянная власть препятствует образованию разрушительных процессов. Одно только понимание этого факта делает нас сильнее. По крайней мере, мы знаем, что сражаемся не за демагогию вокруг мифических свобод и прав. И не за место у кормушки. Мы сражаемся за установление постоянной власти и за прекращение разрушительных процессов. Постоянная власть – последняя крепость на пути врага. С ее падением путь к установлению мировой диктатуры будет открыт.

Как только мы это осознаем, все встает на свои места. С этого момента мы знаем, чего мы хотим. Враг знает, чего он хочет. До этого мы были в неравных условиях: он видел свою цель, мы – нет. Теперь мы понимаем, что идет самая настоящая война. Мир хотят убить. Но не энер-

гией меча, не энергией пули, и даже не атомной энергией. Нас хотят убить, используя социальную энергию. Европу, Францию, Россию хотят разрушить, манипулируя недовольством и чувственными желаниями масс плюс притязаниями мелко думающих людей, назвавших себя элитой, но никогда не имевших целей, определяющих элиту. Чтобы представить уровень деградации современной элиты, вообразите картину, где князья и рыцари прошлых веков собрались по поводу презентации новой модели кареты или открытия кабака. Можете такое представить? Конечно, нет. Это просто смешно. Но сегодня презентация современной кареты (автомобиля) или клуба есть повод собрать «элиту». Это у них называется «потусоваться».

При всем желании наряженных мальчиков и девочек, стремящихся к «золотому унитазу» (мода, машины, яхты и т. д.), назвать элитой нельзя. Имея гигантский ресурс, они не могут помыслить применить его в масштабе, превышающем личное бытоустroительство. Элиту определяют цели, а не объем потребления. Одни, имея миллиарды, страны покоряют. Другие – бесполезные игрушки покупают, высасывая ради этого из общества все соки. Так ведут себя глисты. Тот факт, что глисты изнеженно блестят, разнаряжены и богаты, не вводит в заблуждение думающих людей.

Часть вторая Осмысление

Глава 1 Перводвигатель

Против меча эффективен меч, против ружья – ружье. Нельзя оружием прошлого воевать с оружием будущего. Поэтому против социальной энергии эффективна лишь социальная энергия. Исходя из такой логики, наша главная задача – овладеть энергиями протеста и пойти в контратаку.

Чтобы понимать, как это сделать, представим нашу планету гигантским механизмом. Политические, экономические, информационные и социальные явления, словно турбины, вращаемые водами гигантских рек, перемалывают людские судьбы. Движение этого невероятно огромного механизма-организма подчинено определенным законам, и если люди не знают этих законов, они не могут ни создавать ситуацию, ни исправлять ее. Им не остается ничего, кроме как приспособляться к ситуации, сколь бы ужасна она ни была. Но приспособление к скрытым опасностям, которые таит в себе ситуация, лишь усугубляет положение. Единственный реальный выход – искать пути исправления и устранения порока.

Чтобы вынести суждение о ситуации в России, нужно понять ее целиком, что в отрыве от мировой истории невозможно. Задача расширяется тем, что нужно осмыслить Человечество и Историю не как последовательность событий и дат, а как единое целое, уловить гармонию ключевых актов истории в масштабе цивилизаций, континентов и тысячелетий, объединяющих эти события в одну гигантскую «реку» – Историю. Для этого нужно понять двигатель Человечества и Истории. При таком масштабе игнорирование частных не просто неизбежно, но и обязательно.

Большая История сокрыта от нас невероятным количеством вторичной информации. Исторические факты-пылинки, которые сами по себе ничего не значат, за счет своего количества создают огромные потоки, контуры которых видны только с большой высоты. Взгляд с земли воспринимает историю как нагромождение непонятных и непоследовательных фактов. Чтобы понять смысл сегодняшних событий, нужно взглянуть на ситуацию с космической высоты. Только так можно увидеть Историю и понять природу двигающих ее сил.

Прежде чем попытаться понять, куда и какими шагами идет человечество, нужно отметить, что точный размер исторического шага определить невозможно. Величина его зависит не от количества кругов Земли вокруг Солнца, а от насыщенности времени. На одних отрезках истории шаг равен сотням лет, на других – десяткам. По мере следования шаг сокращается, время как бы сжимается. То, что раньше длилось 500 лет, сегодня происходит за 50, и тенденция к уплотнению сохраняется. Время будто сворачивается в водоворот, карусель фактов сливается в сплошное кольцо, в неразличимый вихрь, где отдельных эпизодов уже не рассмотреть.

Чтобы уловить генеральное направление Истории, примем за шаг такой отрезок времени, на котором произошли фундаментальные изменения. В рамках этого отрезка события могут идти как угодно, даже вспять. Мы, игнорируя эту зигзагообразность, примем во внимание только пошаговую последовательность тенденций. Наша система будет пороговой, где шагом является накопление определенного содержания. Во избежание вопросов условимся смотреть по итогу, не обращая внимания на множество неизбежных при таком подходе противоречий.

Чтобы из понимания истории извлечь пользу, нужно составить ясное представление, что есть История и что значит понимать Историю. История любого объекта есть понимание

природы этого объекта и условий, в которых объект находится. Чтобы предсказать историю сосульки, нужно знать ее природу и окружающие условия. Если сосулька лежит в теплой комнате, ее история сведется к превращению в лужу, которая затем испарится.

Знание объекта и ситуации позволяет предугадывать историю. Что есть объект, историю которого нужно предсказать, сосулька или человечество, в принципе не имеет значения. Зная базовые особенности природы объекта и ситуацию, вы знаете его будущее.

Историю нужно понимать как изучение природы объекта и ситуации, в которой этот объект находился. Зная это, можно делать выводы. Простая фиксация событий есть не история, а архив фактов, фиксирующих уже случившееся. Кто не понимает природы объекта, в нашем случае человечества, тот никогда не сможет понять Историю человечества.

Чтобы понять принцип развития Истории человечества, нужно понять природу ее движущей силы, ее перводвигатель. Что толкает историю именно в том, а не ином направлении? Двигателем всякой цивилизации является природа членов этой цивилизации. Цивилизация инопланетян развивалась бы совершенно иным путем, нежели человеческая цивилизация, из-за разницы в природе.

Нашей цивилизацией движет человеческая природа. Следовательно, нужно понять самую суть человека. Это и будет точкой отсчета, отталкиваясь от которой мы уловим общую гармонию тысячелетий и увидим, куда движется человечество.

Чтобы выполнить поставленную задачу, нам придется порассуждать на отвлеченные темы. От сакральных моментов пока будем уходить, оставаясь в рамках логики и здравого смысла.

* * *

Итак, человек. Противоречивое, сложное существо, наделенное уникальными способностями и потребностями, телесными и душевными.

Центральное требование тела – инстинкт самосохранения. Человек хочет жить. Это желание основано не на логике и расчете, оно является неотъемлемым свойством нашей природы. Самая сильная телесная страсть смирится перед угрозой смерти.

Центральное требование души – самооценка. Каждый человек знает себе цену. Все остальное крутится вокруг этой цены. Стремление соответствовать тому уровню достоинства, который мы себе определили, подчиняет наши мысли и желания.

Таким образом, человека определяют две доминанты – инстинкт самосохранения и самооценка. Все побудительные мотивы базируются на этих двух данностях, но приоритетной является только одна. У кого-то последнее слово определяет страх перед смертью, у кого-то решающий голос имеет честолюбие. Одни готовы отказаться от жизни ради чести, другие – от чести ради жизни. Логика в ситуации выбора не играет роли. Человек, считающий честь высшей ценностью, оказавшись в пограничных условиях должен или умереть с честью, или определить себе новую цену и продолжать жить, утратив честь. Третьего не дано.

К сказанному можно добавить наличие в человеческой душе духовной ипостаси, через которую происходит реализация человечности. Мать, живущая любовью к своим детям, живет именно любовью как раз вопреки собственной самооценке и инстинкту самосохранения. Духовность делает народ единым целым организмом, способным к высокому творчеству и созиданию. Уничтожение духовной составляющей превращает человека в умное животное.

* * *

Общество состоит из ведомых и ведущих. Оно приходит в движение, потому что одни люди идут за другими. Чтобы понять, что направляет движение масс, нужно понять, что

направляет тех, кто ведет массы. Поскольку люди всегда ориентируются на то, что считают высшей ценностью, получается, ведомая масса идет в направлении высшей ценности ведущих. Возникает вопрос: а кто ведущие и каковы их высшие ценности? Для этого нужно понять, что есть человек вообще, сам по себе, в идеале, вне зависимости от инстинктов и состояния души.

Главное отличие человека от других видов жизни – не разум и, разумеется, не тело. Главное – свободная воля, способность делать выбор. Я делаю так, как Я хочу, и потому Я – человек. Мои решения зависят не от внешних обстоятельств, а от чего-то внутреннего. Состояние свободы или несвободы – внутреннее состояние. Человек есть синоним свободы. Чем больше я свободен, тем больше я человек. И наоборот – без свободы нет человека. Абсолютно несвободный человек перестает быть личностью. Он превращается в животное, подчиненное инстинктам или чужой воле. Крайний вариант несвободы проявляется не тогда, когда тело заковано в кандалы. Крайняя несвобода наступает, когда сковано сознание. Проиллюстрируем эту мысль на примере маленькой истории про медведя, жившего в зоопарке в крошечной клетке. Он гулял, делая два шага вперед, два назад. Потом его перевели в большой вольер, но он продолжал делать только два шага вперед, два назад, потому что клетка «была» у него в голове. Загипнотизированный человек – тот, кому в голове «построили клетку». Он становится инструментом в чужих руках. Он зависим от чужой воли и чужой свободы.

Получается, чем больше внутренней свободы, тем больше человека и меньше животного. И никакой инстинкт, даже инстинкт самосохранения, не есть решающий аргумент. Абсолютно свободный человек не знает полутонов, не знает компромиссов. Он – полностью замкнутая система, он абсолютно независим, а если это невозможно, он умирает. Но умирает свободным, выбирая сам, а не по приказу страха или страсти. Даже страх смерти не может изменить действий свободного, потому что он свободен от власти страха. Он выше страха. Он – господин страха, а не его раб. Эталонем свободного человека является воин-монах, готовый в любую секунду пойти на смерть за свои идеалы. Высшая форма свободы проявляется в людях, выбравших служение Богу. Известно, что человек нравствен, если он свободно подчиняет свою волю служению «абсолютному добру», то есть Богу. Этот мир для него больше ничего не значит, все его устремления там, за границей бытия. Он живет в ожидании смерти, понимаемой им не как исчезновение, а как переход в вечную жизнь. Раньше такие максимально свободные люди воспринимались как естественные обладатели власти. После определенных перемен, о которых будет сказано ниже, сформировалась принципиально иная система, она выдавила тип свободного человека за свои рамки.

Если высший человек это свободный человек, то высшая форма самооценки – претензия на звание свободного человека. Низкая самооценка превращает человека в умное животное, полностью находящееся во власти инстинктов и желаний. Ничто не мешает животному удовлетворять, например, чувство голода, питаясь вместе с собаками на помойке. Люди становятся бомжами не в силу жизненных обстоятельств, а в силу нулевой самооценки. Им не стыдно делать то, что они делают, потому что они не ценят себя.

Каждый человек желает быть свободным в своих действиях, поступать так, как хочет именно он, а не как его понуждают обстоятельства. Любому человеку хочется быть личностью, живущей по принципам, но жизнь вносит свои коррективы. Разные инстинкты, в том числе инстинкт самосохранения, властвуют над человеком. Отстоять свою свободу способны единицы. Большинство становятся рабами инстинктов. На этом факте выстраивается социальная иерархия. Высшие места занимают князья духа, для которых честь стоит на первом месте, а жизнь и все остальное – на втором. Свободные воины-аристократы являлись превосходящим классом, задающим тон всему обществу.

Сказанного достаточно, чтобы понять – масса приходит в движение, следуя за свободными воинами духа. Раз высшая ценность элиты – свобода, то первоначальным двигателем человеческой истории – стремление быть свободным. Хочешь быть свободным, – стань им. Никто не в состо-

янии тебе это запретить. Если мешают обстоятельства, которых ты боишься, преодолей их. Если не можешь, значит, делаешь не то, что тебе хочется, а то, что тебе приказывает страх. Ты раб, а не свободный, потому что свободному духом приказать нельзя. *«Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим»* (Пр. 25:28).

Когда персы под Фермопилами предложили спартамцам сдаться, те им ответили: «Приди и возьми». Тогда персы сказали, что лишат спартамцев всего, в том числе жизни. Свободные ответили: «Никто не лишит нас права умереть за свое Отечество». С практической точки зрения этот поступок не имеет смысла, но он демонстрирует свободу выбора.

Если свободный человек поступает так, как хочет, возникает вопрос: из чего рождается «хотение»? Как понять, что это я хочу, а не мой инстинкт? Как отличить действие воина, выполняющего свое желание, от действия раба, выполняющего желание инстинкта? Вопрос очень сложный, и пока он не разрешен, рабы будут принимать возможность выполнять приказы своих господ за свободу. Когда наркоман говорит, что его свобода заключается в том, чтобы колоться когда и где угодно, это мираж свободы. В действительности он раб, потому что целиком и полностью подчинен своему господину – наркотику.

Глава 2

Большой смысл

Чтобы объять поднятую нами тему, нужно выйти за рамки осмысления человека как самостоятельного субъекта, и рассмотреть его в системе Человек – Вселенная. Нужно понять его не как автономную частицу, а как часть гигантского Космоса, которая в своих фундаментальных действиях отталкивается от совокупности чего-то такого, что выходит за рамки бытовой жизни.

Как люди оценивают свою жизнь? Одни считают ее чем-то вроде случайной физико-химической реакции, краткосрочным явлением, доставшимся человеку по недоразумению, игрою случая и эволюции. Они уверены, что однажды жизнь кончится, кончится навсегда. Свое существование они воспринимают чем-то вроде временного проживания в гостиничном номере, который однажды придется покинуть. Уйти в никуда, испариться, оставив после себя горстку праха.

Другие считают жизнь нескончаемым явлением. Для них это дом, в котором они будут находиться всегда. Они верят, что смерти нет, есть только переход из одного состояния в другое, с сохранением всех черт личности. Меняются формы жизни, но сущность ее неизменна и вечна, и мы, как личности, будем жить бесконечно.

Наша природа такова, что в жилище, снятом на время, мы действуем одним образом. В постоянном жилище ведем себя иначе. Краткосрочное владение активизирует в человеке хищно-эгоистические начала, ориентированные на сиюминутное благо. Ему нет смысла заботиться о том, что досталось случайно и на время. Девиз такого отношения: «После меня хоть потоп». Постоянное владение будит в любом человеке чувство хозяина. От нашего понимания жизни зависит то, как мы ею распорядимся. Отношение к любой ценности определяется ответом на вопрос: эта ценность дана мне в постоянное пользование или случайно досталась на время? Ответ определяет отношение к главной ценности, к жизни.

Затронутая тема находится в области метафизики, которую большинство осмысливает подсознательно, не загоняя в жесткие рамки логики. Получается, если есть Бог, значит, жизнь наша вечная, и отношение к ней одно. Если нет Бога, значит, жизнь наша временная, и отношение к ней другое. Если человек осознает себя в этой жизни случайным гостем, случайно возникшим из небытия и обреченным уйти в небытие, выстраивается одна логика. Если человек сознает себя хозяином жизни, который намеревается жить бесконечно, выстраивается другая логика. Кто мы: случайные гости или хозяева? Ответ лежит в области веры. Одни верят,

что Бог есть. Другие верят, что Бога нет. Из этого формируется смысл жизни. Он есть у каждого, даже если человек ни разу о нем не задумывался. Формируется он из двух вариантов понимания жизни.

Первый вариант: считать наше существование случайным и временным явлением. Получается, жизнь есть такой же процесс, как горение спички. В таком случае процесс сам по себе и есть высший смысл. Выходит, смысл жизни – брать от жизни как можно больше, получать максимум выгоды из сокровища, доставшегося на время. Любое ограничение страстей оказывается бессмысленным. Проявление доброты, морали и справедливости, ограничивающее насыщение жизни удовольствием, противоречит логике. При таком взгляде любые средства, способствующие получению удовольствия, есть хорошие и правильные, поскольку помогают реализовать смысл жизни. Нет хороших и плохих поступков, есть выгодные и невыгодные. Самый страшный грех перестает быть таковым, если он наполняет жизнь удовольствием. А отсюда прямой вывод, – делай что хочешь, не дай себе засохнуть, бери от жизни все, и прочие лозунги потребительской цивилизации.

Поведение человека зависит от уровня его жизненных целей. Если они выходят за рамки этого мира, – поведение одно. Если в рамках, – поведение другое.

Читатель вправе возразить, мол, человека можно заставить отказаться от плохих поступков, если они будут ему невыгодны, например, под страхом наказания. Да, это сработает, потому что соответствует логике. Он не будет вас грабить, если есть риск попасться. А если никто и никогда не узнает про это, что тогда? Что заставит этого логично поступающего человека отказаться от удовольствия? Может, вы думаете, что чужое страдание разбудит совесть, и человек, смысл жизни которого брать от жизни все, откажется от удовольствия? А зачем? Попробуйте объяснить это логически, не обращаясь к понятиям «честь и совесть». Почему он, имея выбор, должен отказаться от «хорошо» и предпочесть «нехорошо»? Если нет всемогущей Силы, которая все знает и видит, если моя жизнь случайность, с которой я в любой момент могу расстаться, какой смысл отказываться от удовольствия? Никакого! Надо только соблюсти единственное условие – чтобы люди не узнали о совершенном преступлении. Главная задача сводится к сокрытию действия, за которое грозит наказание. Отказ безопасно получить удовольствие понимается как странность, глупость, идиотизм. Можешь безопасно воровать и не вороешь? Ну, ты дура-а-ак...

От этой неумолимой логики никуда не деться. Она ломает традиционные представления о нормах человеческого поведения. Получается, честность – признак глупости, а бесчестность – следствие ума. Поэтому люди, понимающие свою жизнь как временно и случайно доставшуюся ценность, обречены на жизнь потребителя. Главными ценностями неизбежно становятся чувственные удовольствия, в погоне за которыми общество встает на хищнический путь, пожирая само себя. Еще Аристотель говорил, что общество, погнавшееся за экономической и военной мощью в ущерб морали и нравственности, однажды обратит накопленную мощь против себя.

Второй вариант рождается из утверждения, что человек есть творение неведомого и непостижимого Высшего Существа – Бога. Бог дал ему вечное существование. Однажды начав жить, человек будет жить вечно. Будут меняться формы жизни, и после биологической начнется другая жизнь, с сохранением всех свойств личности. Ведь душа бессмертна. Как он будет жить в той, небологической жизни, зависит от самого человека. Бог говорит, что если человек станет жить по заповедям (в светском варианте – по совести), то по завершении земной жизни он получит в награду вечную блаженную жизнь. Если человек будет нарушать данные Богом правила, его постигнет вечное наказание. При таком взгляде жизнь понимается как задача, которую нужно решить. За правильное решение ждет награда. За неправильное – наказание. Каждый человек имеет таланты, необходимые для решения этой задачи. Любопытно, что само по себе наличие талантов не приближает к решению. Прачка с единственным талантом, всю

жизнь честно стирая белье, может получить рай. Самый талантливый правитель и полководец, завоевавший весь мир и все сокровища, может оказаться в аду. Цыплят по осени считают...

Человек, как существо свободное, выбирает лучший вариант. Понимая жизнь как вечную, он находит смысл в следовании морали, выведенной не из личного блага, а из заповедей Бога. Даже если это совершенно невыгодно с точки зрения сиюминутной пользы, он все равно живет по совести, потому что его логика простирается дальше сиюминутной. Он понимает, что вся его жизнь перед Создателем как на ладонке. Ничего не скрыть, и наказание за преступление неизбежно. Бог видит все.

Из данного рассуждения вытекает совершенно противоположный предыдущему вывод: раз честных ждет великая награда на небесах, значит честность есть признак ума. Бесчестное поведение понимается как признак глупости, слабоволия и ограниченности, ибо человек ради сиюминутного и преходящего не только отказывается от вечного сокровища, блаженства рая, но и обрекает себя на мучения.

Мы убедились, что человек всегда действует логично. Рыба ищет где глубже, человек где лучше. Но в какую сторону поведет нас логика, зависит от точки отсчета, которую мы выбираем. Их всего две: существование и несуществование Бога. Наши знания никогда не позволят достоверно вывести, есть Бог или Его нет. Мы можем верить в существование Бога, можем верить в Его несуществование, но в том и другом случае мы будем ВЕРИТЬ. Мы никогда не сможем это ЗНАТЬ. Все наши знания относительно Абсолюта есть меньше, чем ложка воды по отношению к океану. Глупо, зачерпнув полную ложку океанской воды и добросовестно исследовав ее, заявить: в океане китов нет. Еще глупее на основании наших знаний заявить, что во Вселенной Бога нет. Мол, Гагарин в космос летал, а Бога там не видел. Запомните этот факт. Подробнее мы рассмотрим его, когда перейдем к метафизической составляющей наших целей.

Отталкиваясь от разных точек отсчета, мы получаем разные мерки, с помощью которых и определяем, что есть хорошо и плохо. Никогда человек не пожертвует высшей ценностью ради низшей. Во время пожара сначала спасают самое ценное. И никогда наоборот. Скажите, что для вас самое ценное, и мы можем предсказать ваше поведение на пожаре.

Что для вас есть высшая ценность – вечная душа или временная жизнь? От ответа на этот вопрос зависят поступки человека. Ярче всего это проявилось на тонущем «Титанике», где каждый спасал свою высшую ценность. У одних это была душа, и они, спасая ее, уступали места в спасательных шлюпках женщинам и детям. У других высшей ценностью была жизнь, и они расталкивали женщин и детей, спасая свою шкуру. Те и другие действовали логично. Только логика у них имела разные точки отсчета.

Если человек действует вопреки логике, значит, он сошел с ума. Ничто не заставит человека искренне стремиться совершить нелогичные, с его точки зрения, поступки. Именно поэтому, например, нельзя победить коррупцию. Простолюдин-атеист идет на должность не для того, чтобы душу спасти через служение обществу, а для того, чтобы денег заработать. Это не означает, что он чиновник плохой. Это говорит о том, что он обыватель, не способный мыслить в категориях, превышающих личное бытовое благо. Его цель – деньги или ресурсы иного рода. Когда есть выбор совершить вредное обществу действие и за это получить взятку или отказаться от денег ради блага общества, он подсознательно и сознательно будет стремиться к цели, ради которой шел на эту должность. Иными словами, он будет действовать логично. Ничто не может его побудить действовать нелогично. Страх перед наказанием не изменит стремления к цели. Чиновник будет искать способ достичь цели, потому что это соответствует его логике. Нелогичных, то есть бесцельных, действий никакой человек совершать не будет. Коррупция неубиваема потому, что корни ее – в мышлении маленького человека, определяющем его стремления.

* * *

Закончив логическую часть, хотим обратить особое внимание на неприемлемость рациональной логики, посредством которой мы построили данную цепь суждений. Детерминированная логика не может быть фундаментальной опорой в таких вопросах. Отношения между Богом и человеком неизмеримо сложнее. Нельзя хорошие поступки понимать как обмен на рай. Царство небесное не покупается и не обменивается. Здесь логика не работает. Бог дает человеку спасение по милости, а не по расчету, одно доброе намерение может перевесить все. В христианском мировоззрении акт спасения нельзя понимать как сделку – отсюда такая неприемлемость практики отпускать грехи за деньги (индульгенции). Бог может в последнюю секунду жизни все дать или все отнять. Один напоит водой нищего – и спасется. Другой храм построит, но погибнет. Понять, чем Бог руководствуется, человеку не дано. Поэтому поведение верующего находится в рамках детской веры. Верующий, как ребенок, совершает хорошие поступки не ради корысти, а потому что к этому его зовет душа. Это чувство сродни материнскому инстинкту или чувству сострадания, которое всегда бескорыстно.

Верующий человек следует заповедям. Человек, не имеющий веры, подчинен желаниям своего тела. Монах покоряется власти Бога, наркоман-атеист покоряется наркотику. Разные господа требуют разных типов поведения. Монах относится к своей жизни как хозяин и строит долгосрочные планы. Наркоман относится к жизни как эгоист к случайно доставшемуся на время сокровищу. Он выдавливает из него максимум выгоды, пока это сокровище не исчезло.

Выходит, любой человек является рабом. Раз оба варианта – форма рабства, почему рабов Божьих мы называем свободными? Давайте проясним ситуацию. Начнем с того, что любое состояние есть действие. Любое действие возможно только при наличии ориентиров. Верны они или нет, – другой вопрос. С исчезновением ориентиров человек теряет возможность действовать, а с нею саму возможность существовать. Человек без ориентиров превращается в абсолютное ничто, безвольную биомассу, то есть перестает быть человеком. Аналогично и с народом. Если нацию лишить смысла существования, она из народа превращается в массу.

Ориентирами служат два источника – страсти человеческие и заповеди Божьи. Чтобы выбирать, нужно иметь минимум два варианта выбора. Верующий в Бога может выбирать, чему следовать. У неверующего выбора нет. Он не знает Бога и потому всегда следует своим страстям. Следовать чему-то другому он даже теоретически не может, потому что этого другого в его сознании попросту нет. У него один путь. Он раб инстинктов, источник которых в нем самом, и ничего другого он не знает. Верующий есть Божий раб, то есть источник, осуществляющий над ним власть, находится вне человека. Поэтому он всегда имеет два варианта – один внутри себя (свои страсти) и другой вне себя (воля Бога).

Возможность выбирать означает свободу. Я свободно выбираю, кому покориться, своему внутреннему источнику или внешнему, и этим я свободен. Я выбираю, потому что есть из чего выбирать. Из двух возможных источников, Бог или инстинкт, я выбираю один вариант и иду по выбранному пути. Если я не верю в Бога, вместо двух направлений у меня остается единственный вариант. Если вариант только один, это не выбор. Выбор, это, минимум, наличие двух вариантов. Поэтому без Бога нет глобального выбора. Вне выбора нет свободы. Свобода существует только в момент выбора. Человека делает свободным именно это мгновение выбора. Вся жизнь свободного состоит из бесконечных мгновений выбора. Даже потом, когда выбор совершен, у верующего, помимо относительной свободы в рамках заданного направления, есть свобода остаться в этом направлении или не остаться, то есть он каждую секунду выбирает волю Бога, имея свободу в любой момент выбрать свои желания, то есть совершить грех. Постоянно выбирая Бога, он всю жизнь свободен и одновременно раб Божий. Неверующий – просто раб, поскольку у него нет мгновения выбора, ему не из чего выбирать.

Человек всегда раб. Его сущность такова, что не быть рабом он не может. Он или раб Божий, или раб страсти. Сказано в Писании: *«Не можете служить Богу и маммоне»; «Не во воле человека путь его... не во власти идущего давать направление стопам своим»* (Матф. 6:24; Иер. 10:23). Безграничная вседозволенность невозможна даже теоретически. Человек всегда во власти тех или иных законов, ограничивающих и направляющих его. Стоит выйти за рамки одних законов, как тут же попадешь в рамки других. Попытка ницшеанской «белокурой бестии» оказаться «по ту сторону добра и зла», в царстве абсолютной свободы, в итоге подчинила «бестию» абсолютному злу. Если где-то и есть абсолютная свобода, то только за рамками трехмерного, видимого нам мира. В нашем земном мире максимум свободы – момент выбора.

В свете затронутого вопроса нужно упомянуть ницшеанский вариант свободы «белокурую бестию» – абсолютно направленную энергию, предпочитающую принять смерть, нежели изменить свой путь. На поверку эта свобода оказывается разновидностью подчиненности страсти тщеславия. Сверхчеловек Ницше подчинен страсти. Эта страсть не телесная, но суть не меняется. Главное, что человек подчинен источнику, исходящему из его природы. Верующий подчиняется источнику, лежащему вне его природы. Внутренний источник предопределяет свободу «бестии» как выбор в рамках человеческих страстей. Плотская страсть ниже, чем страсть духа, но «коридор» один – страстный. Другими словами, человек, находящийся ориентиры в самом себе, всегда в плену своих страстей и никогда от них не освобождается.

Сверхчеловек на поверку оказался сверхрабом, находящимся в плену страсти своего духа, гордыни и тщеславия.

Ориентиры «бестии» возникают из непомерных амбиций вывести себя за рамки «добра и зла», стать свободным «как Бог». Но так как Богом никому стать невозможно, «бестия» попадает в тупик. Заявляя абсолютную непреклонность, существующую ради увеличения самой себя, своей целью, «бестия» вынуждена признать абсолютную бессмысленность в стремлении ради стремления. Она не может ответить, зачем стремится к тому, что заявляет своей целью. В отличие от верующего человека, у «бестии» нет источника, откуда можно получить ответ на Главный вопрос – зачем? Абсолютная свобода на практике превращается в процесс ради процесса, без цели и смысла. В результате носитель такой «свободы» всегда подчинен своей страсти.

Ницше передает функцию Бога силе, корни которой не в Боге. Христианин или мусульманин идет на смерть ради чести, корни которой таятся в Боге, и за это получает награду на небесах. Но за что идет на смерть «бестия», если, согласно Ницше, «Бог умер»? Откуда взялся свод правил, почитаемых «бестией» за честь, если Бога нет? Сам выдумал? Но тогда непонятно, ради чего их следует выполнять? Ради чего умирать? Ради самодеятельности?

Эти вопросы не имеют ответа. Вместо ответа предлагается энергия эмоций, стремление к абсолютному увеличению, призванному исчезнуть в бесконечном стремлении увеличиваться. Конечное не может бесконечно увеличиваться. Однажды наступает предел возможностей. Энергия, не признающая ограничений, на определенном этапе сталкивается с невозможностью реализовать свои амбиции и исчезает через самоуничтожение.

Не надо обладать большим умом, чтобы понять – такое упертое поведение есть бессмысленность. Зачем же она нужна? Дело в том, что бессмысленность соблазняет свободой, до момента смерти являя собой максимум свободы, свободы без Бога. Она ведет себя как Бог, воле которого неведомы препятствия, но, не имея возможности сохранять такое поступательное движение вечно, однажды умирает. И смерть эта не имеет смысла. Это лишь эмоция, адреналин, абсолютная воля.

Это очень опасная энергия. Она спекулирует на тех же самых энергиях, что и ветхозаветный змей. Съешь яблоко, и будешь свободен. Как Бог. Свобода ради свободы преподносится как путь стать Богом, сверхчеловеком, возвышающимся над массой. В этом есть что-то дико привлекательное, завораживающее, выходящее за рамки логического осмысления.

Свобода, как реализация своей воли, где жизнь копейка, – это круто. Но что стоит за этой крутостью? Дивизии СС, исповедовавшие ницшеанское мировоззрение, славились нечеловеческой смелостью и презрением к смерти. Они проявляли фантастическую храбрость, умирая, чтобы поступком доказать свое превосходство над простым человеком. Суть их свободы заключалась в способности пойти напролом в любой ситуации. Они «продавливали» препятствия, заведомо непреодолимые для основной массы людей, потому что считали себя «женихами смерти», готовыми в любой миг соединиться с «любимой». По Ницше, это было проявление чистой и свободной воли, которая ни на что, кроме себя, не ориентируется.

Члены СС фактически были членами религиозного ордена. При поступлении туда необходимо было выполнить определенный ритуал и «сдать экзамен» на наличие «сверхчеловечности». Например, одним из требований было вырезать живой кошке глаза. Почтенная комиссия оценивала, насколько соискатель преодолел в себе человеческое естество. Специальные методики ломали традиционное человеческое сознание, заменяя его на хладнокровную логику мясника. Неудивительно, что обработанные таким образом люди становились лютыми хищниками, способными заживо сжигать младенцев. Преодолев человеческое естество, они перестали быть людьми. Кому и зачем они демонстрировали свою сверхчеловечность? Никому и низачем. Просто в их сознание была вставлена установка: делай что хочешь (аналог – бери от жизни все).

Здесь вскрывается глубокий порок новоевропейской философии. На примере фашизма это видно в гипертрофированном виде. А начиналось все так безобидно! Декарт искал абсолютной достоверности в рамках разума, без присутствия Бога. И породил «мысль, следовательно, существую». Это единственное, в чем нельзя усомниться. Остальное, весь окружающий мир может быть иллюзией. Мы просто верим, что это не иллюзия. Верим своим чувствам и мозгу. Верим, что информацию, воспринятую, например, глазом и донесенную в виде импульсов через нервные волокна до головного мозга, наш мозг правильно расшифровывает в виде образов. Мозг создает из импульсов образы, которые мы называем окружающим миром и действительностью. Весь мир это не более чем отпечаток в нашем сознании. Правильно ли мозг расшифровал эти импульсы, достоверно мы не можем знать. Мы верим, что правильно, но исходим в этой вере из своего желания верить. Мы хотим верить, что все вокруг нас соответствует образу, созданному мозгом. Что есть мир на самом деле, мы не знаем. И знать не можем, потому что не имеем возможности получить информацию о мире иным способом, кроме как через наших посредников, через пять чувств, сигналы которых расшифровывает наш мозг.

Обратите внимание: если к нервным окончаниям глаза, уха, языка и т. д. подсоединить суперкомпьютер, который будет производить такие же импульсы, что эти органы получают от окружающего мира, наш мозг на 100 % обманется. Он расшифрует полученные импульсы как реальность. У него нет ни единого шанса отличить виртуальную реальность, созданную на компьютере, от реальной реальности (если она вообще нам доступна).

В священных текстах недвусмысленно говорится: *«Не любите мира, ни того, что в мире; кто любит мир, в том нет любви Отчей»* (1 Ин. 2:15). Потому что жизнь и окружающий нас мир не есть подлинная реальность, в наличии которой нельзя усомниться. Это предмет веры. Настоящая реальность будет потом, когда игра кончится. Когда компьютер сломается или выключится. При таком понимании смерть не есть зло. Это пробуждение от сна и начало настоящей жизни. Какой она будет, зависит от того, какова была временная земная жизнь.

Такое понимание мира существовало до Декарта. Люди были склонны больше верить Откровению, чем своим чувствам. Точкой отсчета, от которой строилось мировоззрение, были не чувства, а Вера. Появился Декарт и создал метафизическую точку отсчета вне религии. Опираясь на нее, строилось принципиально новое мировоззрение. Мы не имеем возможности раскрыть здесь эту тему полностью, в том числе из-за ее сложности. Ограничимся тем, что декартовскую мысль продолжил Ницше, а реализовал Гитлер. Оказывается, младенцев можно

мучить, потому что Бога нет, а ты сверхчеловек, для которого не существует ограничений и препятствий в реализации воли и желаний. Хочешь – делай. Реализуй свою волю или умри. Круто звучит? Круто. Этим и опасно. Какая-то сатанинская энергия стоит за этим, привлекательная в своем безудержном отрицании всяких границ, авторитетов и законов.

Новый закон потребительской цивилизации – Хочу. Хочу, и все тут. На остальное наплевать, и думать дальше своего хотения я не буду и осмысливать само хотение не желаю. Я просто хочу и направляю все свои усилия на реализацию своего «хочу». При такой установке человек неизбежно превращается в животное, в педераста и извращенца, в маньяка, удовлетворяющего свое «хочу», не задумываясь даже о способе удовлетворения.

Сегодня этот страшный закон, в первую очередь страшный для своего носителя, вошел в плоть и кровь западной цивилизации, стал ее вторым «я». Запад физически не сможет отказаться от своего нового естества, пока сохраняет декартово-ницшеанскую платформу. Он будет менять внешнюю сторону дела, не касаясь сути, будет извиваться и подстраиваться, но генерального направления не изменит. Чем дальше будет развиваться возникший на этой базе Прогресс, тем отчетливее проявится его сатанинская суть.

Сравнивая два крайних типа, ницшеанскую «бестию» и, например, традиционного французского дворянина, неизбежно приходишь к выводу, что дворянин выше «бестии». Он входит в зону смертельного риска не ради гордыни, а ради долга и чести. Яркий пример – подвиг наполеоновского генерала Дезе в битве при Маренго. Когда генерал подошел с подкреплением, все было кончено, французы были разбиты. Поле боя было усыпано телами французов. Командовавший армией австрийский генерал Мелас послал в Вену сообщение о грандиозной победе. Генерал Дезе оглядел поле боя, вынул часы и хладнокровно произнес: «Первое сражение проиграно. Но еще есть время начать второе». И повел свой отряд в атаку на десятикратно превосходившую его австрийскую армию. В первую же минуту боя генерал Дезе погиб, но французов уже было не остановить. Австрийцы, не ожидавшие такой дерзости, дрогнули и побежали. Сокрушительное поражение обернулось сокрушительной победой. Позднее, на острове св. Елены, Наполеон писал, что в его жизни были три прекрасных дня – победа при Маренго, Аустерлице и Иене.

Еще более удивительный случай имел место в России. Русский воевода Евпатий Львович Коловрат спешил с двухтысячным отрядом на помощь Рязани, осажденной татарским ханом Батыем. Тоже не успел. Оглядев пепелище, он принял решение вступить в бой со 150-тысячным татарским войском. Когда Батыю донесли о нападении, он послал десять тысяч воинов (тумен) закрыть вопрос. Русские устояли. Батый послал второй тумен. Русские опять устояли. Пораженный доблестью русских, хан предложил им деньги и должности. Они ответили: «Нет». – «Чего же вы хотите?» – спросил Батый. «Мы хотим умереть», – ответила дружина Коловрата.

После такого ответа Батый вынужден был остановить войско (неслыханный момент в истории ведения войны), перестроить его из походного порядка в боевой и двинуть всю свою мощь на горстку русских. Дальше произошло чудо, разум отказывается верить. Армия более чем в 150 тысяч воинов не могла одолеть горстку людей. На третьи сутки непрерывного боя Батый, несущий огромные потери, приказал окружить храбрецов стенобитными машинами. В русских витязей полетели огромные камни...

В истории каждого народа можно найти множество таких случаев. В том числе и у тех, кого потребительская цивилизация пренебрежительно относит к дикарям. Однажды, во время колониальных войн, которые вела Англия, африканское племя зулусов, воины которого были вооружены только копьями, победило целый английский полк (битва под Исандулой). Ни ружья, ни пушки не помогли. Зулусы победили лишь потому, что презирали смерть. Англичане расстреливали их в упор, а они все равно шли и шли вперед. Первые ряды пали. Вторые

их перешагнули. Третьи перешагнули вторых и так до тех пор, пока англичане не пришли в ужас от такой доблести и не дрогнули. Колонизаторы побежали и были перебиты зулусами.

Эта славная битва вошла в историю как пример воинского духа, презирающего смерть. Конечно, потом англичане проанализировали столь необычную ситуацию, сделали соответствующие выводы и в конце концов захватили страну зулусов, потому что копье против ружья и пушки не устоит. Но прецедент был создан.

А теперь на минутку представьте, что произошло бы, если бы вооружение воюющих сторон было примерно равное.

Остановимся на этом моменте. Почтим французских, русских и зулусских героев молчанием. Подумаем о них, об их верности своему народу, своей вере и своему слову. Теперь ощутите, чье бесстрашие и свобода выше – генерала Дезе, воеводы Коловрата, зулусов или эсэсовцев.

Глава 3

Отцы и хищники

Человека в повседневной жизни окружают различные явления, которым он должен давать ту или иную оценку. Оценка всякого события происходит с помощью своеобразного морального аршина. Так люди определяют, что такое хорошо и что такое плохо. Основанием «аршина» может служить: а) личное мнение; б) мнение другого человека (или других); в) Божественный закон. Разберем все три варианта.

Первый вариант: каждый создает себе мерку по своему личному мнению. Когда добро и зло каждым определяются по своему усмотрению, начинается хаос. Представьте, если бы каждый водитель определял правила дорожного движения исключительно по своему усмотрению. Представили? Что получилось? Правильно, – состояние вечной «пробки». Следовательно, личное мнение в качестве моральной мерки не подходит.

Вариант второй: мнение чужих людей. Его можно навязывать в качестве мерки только с помощью силы. Как только сила иссякнет, исчезнет и навязанный критерий. А пока он не исчез, будет процветать двойная мораль.

Остается единственный вариант – третий. В качестве единого для всех ориентира могут выступать только заповеди Бога. Поэтому религиозное общество закономерно всегда будет гармоничнее атеистического. Без Бога возникает склочная масса себялюбцев, стремящихся к своему «хорошо» за счет чужого «нехорошо». К слову сказать, демократический Запад не просто реализовал этот принцип, он возвел его в статус закона.

Итак, свободные воины, определившие себя как рабы Бога, превращаются в князей, отцов народа. Защищать слабых им предписывают заповеди Бога. В светском варианте эти заповеди называются честью, долгом, служением и совестью. Они записаны в душе каждого. Последний негодяй знает, что такое хорошо и что такое плохо. Корни совести всегда лежат в религии, и ни в чем ином, кроме религии. Тот факт, что человек действует по совести, подтверждает, что он имеет веру, даже если не считает себя верующим. Человек просто не «укладывает» свою веру в систему. В отдельных случаях такой человек может даже ругать религию, но принципиально это ничего не меняет. Раз он способен совершить действие, противоречащее его личной выгоде, значит, имеет метафизические ориентиры. Без таких ориентиров невозможно, находясь в здравом уме, совершить нечто подобное. Это противоречит здравому смыслу.

Воины, не знающие Бога, оказываются рабами страсти. Чтобы удовлетворить свое «хочу», они обижают слабых и превращаются в хищников-эгоистов. В поисках защиты от хищников слабые бегут к отцам. Вокруг князей образуется масса, которая структурируется и превращается в силу. Хищники же не могут обрести такую силу. Они не могут объединиться даже

друг с другом, потому что объединение требует доверия. В итоге силой, направляющей общество, оказываются князья.

* * *

Специально для атеистов, верящих (не знающих, а верящих), что все произошло само собой, и Бога нет, скажем следующее: если им поручить задание создать гармоничную модель человеческого общества, они придут к выводу, что в качестве фундаментального узла необходима религия. Без набора предписаний, регламентирующих ключевые узлы общества, существование человеческого общества невозможно. Из логики, опирающейся на опыт, такие предписания вывести нельзя. Все попытки заменить религию Откровения религией Разума превращали общество в сборище бессовестных млекопитающих, ничем, кроме добычи личного блага, не озабоченных.

Когда человек не имеет абсолютных ориентиров, он, из-за своего разума, опасного для всех, в том числе себя, низводится на уровень разумного животного. Обуздать этот потенциал способна только религия. Чтобы не скатиться к одноклеточному существованию, надо признать, что Бог, независимо от того, верите вы в Него или нет, необходим. Вольтер, разрушитель традиционного общества, заявлял, что если бы Бога не было, Его необходимо было бы выдумать. Иначе, кто даст народу правила, которых он будет придерживаться, не надеясь скрыть нарушения?

Следует заметить, что вера в Бога более логична, нежели вера в Его отсутствие. У современного человека нет оснований верить в чудеса. Например, в то, что сложные объекты могут образовываться сами по себе. Но вот нонсенс: атеисты не верят в произвольное образование простых объектов (часов), но верят в произвольное образование сложных объектов (Солнечной системы). Они не верят в возможность маленького чуда, но тут же верят в большое чудо. О чем это говорит? Только о внутреннем противоречии атеистических взглядов. В отличие от верующих они, как минимум, непоследовательны. Верующие говорят, что не верят в чудеса. Не верят, что некая конструкция может возникнуть сама по себе. Они твердо заявляют, что у всякого объекта, от горшка до Вселенной, есть создатель. У атеистов такой твердой позиции нет. Самые сложные конструкции они объявляют сами по себе получившимися. Более простым конструкциям отказывают в возможности самообразования. Где же тут логика?

Последняя соломинка атеистов – теория Ильи Пригожина, по которой выходит, что сложные системы могут саморазвиваться. Действительно, теория подтверждается множеством примеров. Но при этом игнорируется ключевой момент. Саморазвитие возможно только после определенного минимума сложности. Вопрос: кто доведет ту или иную систему до требуемого минимума сложности, чтобы она потом начала развиваться самостоятельно? Сама дойдет? Но откуда это видно? Из каких фактов или теорий? Нет ни единой гипотезы, доказательно утверждающей реализацию чего-то подобного. Есть атеистическая вера в самосоздание сложного из простого без участия Творца.

Такое же недоумение вызывает ограниченность атеистов в восприятии мира. Они говорят, что существует только то, что можно потрогать, понюхать и прочее, что могут воспринять наши чувства. Этой же логикой руководствовались цыгане, бросившиеся мародерствовать в зоне Чернобыльской катастрофы. Они рассуждали примерно так: раз не чувствуют радиации, значит, ее нет. Ну, и дальше – «логические действия». Потом у этих людей началась лучевая болезнь, и они поверили в существование радиации. Но было поздно. Хотелось сказать атеистам, что они тоже однажды поймут, что Бог есть. Но вдруг это случится слишком поздно?

* * *

Подведем очередной итог. Силой, задающей тон обществу, является элита, ориентиры которой находятся за границами видимого мира. Вера требует от них дел, сообразных вере. Если горит дом, вера заставляет тушить его. Попытка свести веру к посещению религиозных служб есть подмена живой веры обрядами. Такая вера сравнима с воинской службой, требующей носить погоны, отдавать честь, маршировать, но не требующей защищать общество. Когда инквизиторы спросили Жанну д'Арк: ты считаешь свое дело правым. Зачем же ты призывала солдат сражаться? Разве Бог не заступился бы за правое дело и не даровал Франции победу? Орлеанская Дева ответила им знаменитой фразой: «Чтобы Бог даровал победу, солдаты должны сражаться». Вера это не просто знание того, что Бог есть. Сатана тоже нисколько не сомневается в существовании Бога: «...*Вера без дел мертва... и бесы веруют и трепещут*» (Иак. 2:20, 19). Вера – это дела. Причем не вообще дела, а дела, соответствующие ситуации. Человек не сам себе выдумывает «добрые» дела, их определяет ситуация. Видишь, тонет ребенок – спасай его. Видишь, твою Родину разоряют – защищай ее. В этом твоя вера. Если говоришь, что Бог все управит, это не вера, а лицемерие. Если говоришь, что некогда ребенка спасать, потому как занят «добрым делом», например, дерево сажаешь, это еще большее лицемерие. Делай, что должен, и будь что будет – вот настоящая вера. Если у верующего нет дел, сообразных его талантам, получается, у него вера бесовская.

Надо заметить, что многие секты, расцветающие на фоне демократических свобод, культивируют бездеятельную веру. Они учат: ничего не надо делать, просто верь, что Бог есть, и живи как хочешь. Но тем и отличается вера от ереси, что она требует дел, соответствующих заповедям.

Деятельность вообще свойственна любому высокому чувству. Например, когда человек по-настоящему любит, он показывает свою любовь на деле, а не на словах. Если человек говорит о своей храбрости, он должен показывать ее на деле, а не на словах. Если дел нет, одни слова, – как правило, нет ни любви, ни храбрости. Одно словоблудие получается.

Глава 4 Принцип пирамиды

У каждого человека есть мнение о собственном месте в обществе. Как тысячу лет назад, так и сейчас всем своим поведением мы требуем признания своей значимости. Примеров тому в повседневной жизни миллионы. Мы требуем от всех, начиная от официанта и заканчивая президентом, признать наше достоинство. Где бы человек ни находился, в первую очередь он ревностно следит за тем, чтобы к нему обращались в соответствии с его самооценкой. Платон в «Государстве» пишет, что если с нами общаются соответственно нашей самооценке, мы испытываем гордость. Если несоответственно, – накатывает гнев. Если мы сами не можем соответствовать собственной самооценке, нас посещает стыд. Добавим, что если общество оценивает человека выше, чем он есть на самом деле, и человек это понимает, он ощущает растерянность.

Самооценка – двигатель человека. Честолюбие элиты задает направление всему человечеству, и в рамках этого направления возникает энергия, движущая человечество.

Исторически из общества выделялись те, кто мог подтвердить свои претензии на высокий статус. Князья на деле доказывали свои претензии быть первыми, рискуя жизнью. Все видели, что им действительно положено быть первыми. Многие могут говорить правильные слова, но не каждый готов подтвердить сказанное, особенно в смертельно опасной ситуации. Князем был тот, кто мог подтвердить свой статус делами, где на кону стояла жизнь. Кто не мог, того сдувало на обочину.

Жизнь выстраивала общество в пирамиду. Самооценка активизировала соперничество, а успех зависел от талантов. Верхнюю часть пирамиды занимали свободные, способные рисковать жизнью ради нематериальных целей. На самом верху находились люди духа, таланта и воли. Князь, обладающий всеми этими качествами, стоял на вершине пирамиды. Следом шли сильные духом, но не обладающие большими талантами воины. Нижнюю часть пирамиды составляли купцы, крестьяне и ремесленники. Их страшил любой риск, и им ничего не оставалось, как менять свой труд на маленький, но гарантированный результат. Разбойники стояли вне общества. Любопытно, что некоторые мыслители, в частности Фома Аквинский, коммерсантов тоже причисляли к разбойникам. Разницу, что одни для ограбления использовали кистень, другие весы, он находил несущественной. Но это так, к слову.

Уровень пирамиды жестко соответствовал уровню риска. Как пишет Гегель, рисковавшие жизнью получали власть и статус князя. Если один занес меч, второй должен или сражаться, рискуя жизнью, или покориться. Кто не был готов рисковать, тот признавал над собой власть князя.

В приведенных примерах опущены сотни нюансов, но мы и не ставим целью детализацию. Наша задача – определить основные моменты. Тогда нам станет понятно, что пирамидальное строение общества есть не искусственный, а естественный процесс, следствие самой человеческой природы. И двигатель этого процесса – честолюбие.

* * *

Инстинкт жизни в совокупности с самооценкой определяют восприятие жизни. Люди понимают свою жизнь не просто как существование, а как существование хорошее. Если посадить человека в барокамеру, обеспечив нормальное функционирование биологических процессов, любой скажет, – это не жизнь, а мучение. Получается, человек не просто хочет жить (в смысле существовать), а хочет жить хорошо, сообразно своей самооценке. Это желание и формирует прогресс, неизбежное следствие человеческой природы. Стремление человека к совершенствованию жизни есть такая же данность, как стремление дышать или размножаться. Нравственные категории к прогрессу неприменимы. Если принять во внимание, что это не усиливает, а разрушает вселенскую гармонию, стремление к прогрессу можно понимать как следствие поврежденной человеческой природы. Это отдельная глубокая тема, которой мы не будем здесь касаться.

В своем стремлении хорошо жить человечество делает научные открытия. Честолюбие непосредственных создателей прогресса играет огромную роль. Умные и талантливые активно искали признания своего достоинства. Чья оценка могла подтвердить и удовлетворить амбиции этих людей? Понятно, что не крестьян, коммерсантов и ремесленников. Требовалось признание высших, то есть князей. Чтобы высшие признали статус творцов, нужно было преуспеть в том, что воины ценили выше всего. Так как выше всего воины ценили то, что относилось к войне, амбициозные таланты включились в гонку вооружений. Из этого следует, что в природе человеческой пирамиды заложена предопределенность не просто прогресса, а именно военного прогресса. Остальное – следствие. Предопределенность такого рода есть первородный грех. Благодаря ей энергия умных людей направлялась на военные усовершенствования, положив тем самым начало разрушению естественной гармонии. Нарушился принцип построения человеческой пирамиды. Чем больше развивался прогресс, тем меньше значила доблесть. Копье в руке доблестного было бессильно против ружья в руке труса.

Развитие военного искусства – процесс непрерывный. Чтобы содержать усовершенствующуюся армию, нужно было больше денег, для чего требовалось развивать хозяйство. История поставила князей перед выбором: или развивать экономику и иметь сильную армию, или покориться соседям.

Чтобы получить необходимые средства, нужна была централизация хозяйства. Начался соответствующий процесс. Самые сильные концентрировали в своих руках политическую и экономическую власть. Кто не мог подчинить других князей (а без этого централизовать хозяйство было невозможно), тот не мог содержать армию и сошел с мировой арены.

* * *

Чем дороже становится армия, тем больше безопасность общества зависит от развития экономики. Возникает замкнутый круг. Прогресс постоянно делает армию дороже. Возникает необходимость постоянного совершенствования экономики. Это еще больше совершенствует прогресс, который еще больше совершенствует армию, и так до бесконечности.

Развитие экономики зависит от свободы предпринимательства, которая, в свою очередь, зависит от уровня ограничений. Чем меньше ограничений, тем больше экономической свободы и, следовательно, больше развития. Самые крупные ограничения создавала религия. Авторитет ее был так велик, что устранить требования религии в пользу экономики было невозможно. Пока религия играла центральную роль, прогресс оказывался скованным естественным образом. Создавался баланс, тормозящий негативные процессы.

Князья стали монархами, и, казалось, история оформилась в своих основных контурах. Дальнейшее развитие человечества представлялось как борьба монархий между собой. Возможно, так оно и было бы по сей день, если бы в христианстве не произошел раскол. За относительно короткое время раскол внес в развитие человечества такие огромные изменения, что они заслуживают отдельного разговора.

Глава 5

Подведение первого итога

Прежде чем идти дальше, в максимально крупных штрихах подытожим все выше сказанное. Итак, человеческое общество. Оно состоит из субъектов, от природы имеющих самооценку, которая заставляет стремиться к максимальной свободе, и инстинкт самосохранения, который сдерживает это стремление. Все люди имеют тенденцию к максимальной самооценке, но не все ради этого способны преодолеть инстинкт самосохранения, войти в зону смертельного риска. Страх перед смертью и страданием умирляет амбиции. Большинство признает себя не способными достичь идеала, и довольствуется вторым, третьим и так далее местом. Взаимоотношения людей в обществе строятся по принципу пирамиды. Человечество разбивается на группы-пирамиды. Верхние места занимают самые свободные, благородные и умные. Остальные занимают более низкие ступени. Возникает гармоничная структура, при которой «большие» заботятся о «меньших».

Заметим, что любой человеческой массе свойственно «вытягиваться» в пирамиду. Если поставить мысленный эксперимент, например, поселив тысячу случайно набранных людей на необитаемый остров, эта хаотичная масса в скором времени начнет «вытягиваться» в пирамиду, возможно, в две и более конкурирующие пирамиды. Равенство не свойственно человеческому обществу по природе. Члены общества равны только перед Богом и когда умирают. В реальных земных условиях равенство невозможно.

Княжеские амбиции и желание получить новый источник дохода становятся причиной войн между группами. Одни общества-пирамиды нападают на другие. Вечное состояние войны влечет за собой постоянное совершенствование оружия, что, в свою очередь, требует постоянного развития экономики. Это требует свободы предпринимательства, которое натывается на препятствие в виде религии. Развитие экономики ограничивается. Прогресс в целом, и военный прогресс в частности, тормозится. Князья вынуждены делать упор не на качество оружия,

а на качество воинов. В такой ситуации решающее значение играет доблесть. Техническое совершенство понимается как приложение к доблести.

Нельзя сказать, что прогресс совсем не идет. Он идет, но строго в рамках религии, культуры и традиции. Орудия труда и орудия войны совершенствуются, но очень медленно. Рамки, в которых они могут совершенствоваться, очень узкие. Образно говоря, топор и меч, например, могут быть только из камня или из бронзы. Никакие прагматичные соображения не отменяют этого правила. Изобретатель железного топора, согласно идее сдерживания, должен показательно уничтожаться как еретик и нарушитель устоев.

С точки зрения современного человека, воспринимающего действительность с сиюминутных позиций, такой подход кажется несусветной глупостью и мракобесием. Но если охватить масштаб мирового процесса в целом, если понять его причинно-следственную связь, остается подивиться колоссальной масштабности древних. То, что они сдерживали технический прогресс (а они его сдерживали), свидетельствует о понимании ситуации не на текущий момент, как сейчас понимают наши правители, а в объеме целого мира. Целого во времени и пространстве.

Зададимся вопросом, как древние могли прийти к мысли сдерживать прогресс? Благодаря каким знаниям Египет просуществовал больше, чем весь известный мир в совокупности? Как можно просчитать опасность прогресса, не имея перед глазами процессов, наблюдаемых сегодня, и возможности проследить историю их появления? Это просто чудо. Мы, находящиеся на последнем витке смертельного путешествия, воочию наблюдаем последствия прогресса. И потому можем сказать, что обладаем такими знаниями. Но древние...

Когда джин прогресса сидит в запечатанной бутылке, общество управляет ситуацией. Когда джина выпускают, ситуация управляет обществом. Но чтобы держать джина в бутылке, нужно нечеловечески много понимать. Или очень сильно верить в необходимость выполнять требования, смысл которых охватить умом невозможно. Сегодня люди как дети, верят в то, что можно потрогать. Или понюхать. Приближающийся конец света нельзя ни потрогать, ни понюхать. Базовых требований, соблюдением которых можно остановить процесс, тоже нельзя ни понюхать, ни потрогать. Находящееся в таком состоянии человечество нельзя спасти.

Лишившись сакральных знаний, мир оказался заложником ситуации и семимильными шагами устремился к своей гибели. Величайшая мудрость и масштаб древних сегодня представляются глупостью и отсталостью. Обратите внимание, прогресс не делает людей счастливее. Зато он гарантированно уничтожает мир. Древние понимали это и потому блокировали каналы развития. Излишнюю интеллектуальную, творческую и социальную энергию своего общества Египет «сравливал» в строительство пирамид. Аналогичные процессы происходили во всех древних обществах.

Если рассматривать безрелигиозную версию, можно предположить только одно. До цивилизации древних была какая-то цивилизация, которую уничтожил прогресс. Некоторые выжили, и на этом примере сделали соответствующие выводы.

Но это очень зыбкая теория. Во-первых, с какой стати атеисты будут противиться прогрессу, несущему сейчас удовольствие, даже понимая, что в далекой перспективе он несет горе? Трагедия произойдет через века, а удовольствие сейчас. Логика найдет прогрессу тысячи оправданий. Особенно если члены общества считают, что жизнь есть не вечное, а краткосрочное явление. Во-вторых, невозможно предположить, что потомки выживших будут руководствоваться этими выводами на протяжении тысячелетий. Опытные знания исчезли бы вместе с первыми носителями знаний. Максимум дошли бы до второго поколения. Последующие поколения воспринимали бы их уже как мифы и небылицы.

Чтобы знания подобного масштаба правили обществом тысячелетиями, нужен толчок такой силы, инерции которого хватит на тысячи лет. Роль такого толчка никакая логика выполнить не может. Тут нужно что-то сверхъестественное. Оно должно настолько поразить мыш-

ление и воображение большого количества людей, что они стали бы жить по поразившим их принципам.

Распространение знания такого уровня невозможно словами, какими бы умными они ни были. Люди всей своей жизнью должны демонстрировать новое знание, показать, что оно выше жизни. Только в этом случае им поверят. Потом начнется цепная реакция, распространяющая первичный толчок.

Чтобы понять силу первичного толчка, расскажем поучительную историю Бонифатия Тарсийского, раба красавицы Аглаиды, жившего в III веке от Р. Х. Он любил выпить, любил женщин, в общем, был такой же грешник, как мы с вами. Однажды госпожа, жившая с ним как с любовником, послала его развлечься – посмотреть на казнь христианских мучеников. Людей, отказывавшихся отречься от Христа, привязывали к столбам, вкопанным на арене, затем выпускали голодных хищников, и люди принимали мученическую смерть. Бонифатий был так поражен доблестью и силой духа этих людей, что без всякой логики и объяснений уверовал в Христа. Бонифатий подошел к охране и сказал, что стал христианином. Его привязали к столбу так же, как поразивших его воображение христиан, и он Христа ради принял мученическую смерть.

Видение этой картины переломило жизнь всего его окружения, которое до этого ни о чем таком не помышляло. Спутники принесли тело Бонифатия в Рим к Аглаиде. Богатая и знатная римлянка приняла мощи и построила во имя его великолепную церковь в окрестностях Рима. Она покаялась в прежних грехах, раздала имение бедным и стала жить при церкви в смирении, воздержании и великом благочестии.

Ни к чему подобному никакая логика и здравый смысл близко не подтолкнут. На это способна только вера, имеющая метафизические корни и цели. В новой шкале ценностей земная жизнь должна пониматься меньшей ценностью, чем Вера.

Суммируя сказанное, мы приходим к единственно возможному выводу: масштабные знания могут иметь только взезмой метафизический корень. Приобрести их логикой и опытом невозможно. Традиционно такой тип знаний называется религиозным опытом. Как только начинается утрата религии, общество возвращается к сиюминутно-ситуативному масштабу мышления.

Носителей сакральных знаний вытесняют носители знаний ремесленных, и место священников занимают ученые. Бог новых жрецов – логика. Если быть еще точнее, детерминированная, математическая логика, оперирующая не понятиями добра и зла, а цифрами выгоды. Эта логика объявляет существующим только то, что можно объять числом. То, что числом нельзя объять, того для нее не существует. Не слово, а число в этой логике становится божественным.

Так как люди мыслят образами, а образы рожают только слова, но никак не цифры, оцифрованное общество утрачивает способность глубоко мыслить, хотя ему, напротив, кажется, что переход на цифру делает мышление более упорядоченным. В итоге такое общество утрачивает понятия веры, любви, совести, потому что их нельзя объять числом. Узко смотря на ситуацию, новые жрецы утрачивают глобальное понимание, что способствует развитию разрушительных процессов. Но они не понимают этого, потому что цельное знание теперь усечено, а оставшаяся часть раздроблена на тысячи частей.

Без глобальных ориентиров человечество попадает под власть стихии. Прогресс превращает общество в кишасую эгоистами массу, пожирающую саму себя. Отныне никто ничего не понимает. Многочисленные теории, сами по себе тяжелые для восприятия, больше запутывают ситуацию, чем проясняют. Цельное понимание окончательно утрачивается. Глобальные вопросы, вроде смысла жизни, сами по себе считаются неприличными. Люди утрачивают способность мыслить стратегически и начинают мыслить сиюминутно, в рамках своей жизни и видимой ситуации. Причем не просто сиюминутно, учитывая весь объем ситуации на текущий

момент, а сиюминутно относительно малой части ситуации, без учета всего объема: что вижу в данную минуту в данном узком месте, то и пою.

У всякого явления на свете есть свой временной шаг. Когда варят яйцо, счет идет на минуты, когда строят дом – на месяцы, город строят годами и т. д. Мировые события тоже имеют свой временной шаг. Оценивать их временным шагом человека равносильно строительство дома оценивать таким образом: поминутно спрашивать каменщиков, как идут дела.

Индивид живет часами и сутками, общество – веками и тысячелетиями. При таком разрыве осмысливать ситуацию в том масштабе, в каком ее осмысливают наши политики, в принципе невозможно. Действовать сообразно ситуации невозможно тем более. Преодолеть это несоответствие и выйти на соответствующий масштаб можно только через веру. Никакой социализм, либерализм или марксизм-ленинизм не поможет. Но так как современный человек верит только реальности, данной в ощущениях, он приговорен на роль ничего не понимающей пылинки, которую несет куда-то гигантский поток событий.

Мышление современного атеиста не исправить. Он никогда не будет исходить из долгосрочных ориентиров вселенского масштаба. Его цели всегда определяет ситуативно-сиюминутное мышление. Во взрослом мире так мыслят дети. Современные люди, берущиеся своими временными мерками осмысливать мировой масштаб, это те же дети.

* * *

Вернемся к моменту, когда на планете образовалось множество обществ-пирамид. Религия ограничивала рост этих структур. Возникло равновесие, мир пришел в максимально возможную гармонию. Ключевые узлы обеспечивали прогрессу скорость, совпадающую с вселенскими процессами. Если бы ничего не изменилось, если бы сохранились все ключевые моменты – самооценка, инстинкт и религия, – человечество просуществовало бы столько, сколько, например, Солнечная система, то есть до наступления непреодолимых обстоятельств. Но если любой из указанных ключевых моментов утрачивался, неизбежно начиналось разрушение.

Если бы у членов одной из пирамид исчезла самооценка, исчез бы и стимул тянуться вверх. Структура пирамиды развалилась бы. Общество превратилось бы в кашу, которую соседняя пирамида впитала бы в себя.

Если бы исчез инстинкт самосохранения, все члены пирамиды устремились бы к максимальной самооценке, и в этой тотальной борьбе уничтожили бы сами себя.

Если бы исчезла религия, снялись бы ограничения к техническому, экономическому и военному совершенствованию. Возникла бы «пирамида без тормозов», растущая за счет технического и экономического превосходства с огромной скоростью, поглощая остальные пирамиды.

Случилось последнее. У западного общества начал исчезать ограничитель роста – религия. Из множества пирамид начала возникать одна-единственная мега-пирамида. Утрата религии обратила самооценку членов общества из структурообразующего фактора в атомизирующий. Каждый член нового общества понимал себя автономной микро-пирамидкой, воюющей с другими пирамидками.

Если понимать государства как живые существа, исчезновение у него тормозов роста похоже на то, как если бы у пауков исчез механизм, тормозящий рост. Все другие виды ограничены в своем развитии, и только одни пауки безудержно развиваются. За относительно короткое время мир бы заполнился жуткими монстрами, которые сначала пожрали бы все живое, и затем погибли бы сами.

Совершенствование части в отрыве от совершенствования целого всегда создает дисгармонию. Если совершенствовать только двигатель, а ходовая часть остается прежней, мощный

мотор разрушит автомобиль. Человечество – это часть планеты. Разбитое на множество структур, развитие которых ограничено, оно сохраняет гармонию с окружающим миром. Но когда одна из человеческих пирамид утрачивает «тормоза», возникает монстр. Он не только пожирает другие общества и окружающий мир, но и отравляет продуктами своей жизнедеятельности все вокруг, вступая в конфликт с планетой.

Сегодня по злой иронии разрушительные процессы называются прогрессом. Само по себе слово «прогресс» несет в себе положительный образ, чем вводит людей в заблуждение. Планета и человечество серьезно болеют, и эта болезнь прогрессирует. Окрашивать смертельно опасный процесс в положительные тона, значит, еще больше затуманивать и без того сложные для понимания процессы. Варианты выжить у безудержно развивающегося человечества были бы, если бы весь мир развивался тем же темпом. Но это невозможно, потому что у всех стоят ограничители, тогда как у человечества этот естественный тормоз утрачен с утратой религии.

Часть третья Новое время

Глава 1 Начало конца

Утрата религии привела к образованию в здании человечества трещины. Сегодня эта трещина растет с такой бешеной скоростью, что мы видим эту скорость. Это ключевой момент в истории человечества, и он требует отдельного осмысления. В первую очередь нужно понять природу этих процессов. Что положено в их начало? Большой вопрос: почему именно на Западе стала исчезать религия? Что это, случайность, предопределение или закономерность? Трудно найти однозначный ответ. Со слишком сложной системой мы имеем дело, чтобы уловить ситуацию до таких тонкостей. Здесь каждый увидит свою причину. Одни увидят в этом случай. Другие заявят, что западное общество предрасположено к утрате религии из-за излишнего пристрастия к логике. Третьи найдут в этом метафизику, потому что Солнце восходит на Востоке и умирает на Западе. Все религии мира родились на Востоке, все безбожные философии на Западе. Картины Воскресения рисуют на восточной стороне храма, Страшный суд на западной стороне. Версий много, и читатель сам выберет, какая ему больше по вкусу. Мы же ограничимся заявлением, что не можем в жесткой логической последовательности объяснить, почему именно западная пирамида начала превращаться в монстра. Для нас пока достаточно зафиксировать, что именно западное общество утратило религиозные тормоза.

Негативные процессы зародились спустя четыре столетия после Великого раскола XI—XII веков. Раскол положил начало современному обществу потребления. Его «генеалогическое древо» выглядит следующим образом: Великий раскол порождает католицизм. Католицизм порождает протестантизм. Протестантизм порождает капитализм. Капитализм порождает атомизм, высшую фазу развития капитала и максимальную степень раздробленности общества. Некогда гармоничные структуры превращаются в хаос-массу. Члены принципиально нового типа общества, какого еще не знало человечество, не имеют никаких целей и задач, кроме увеличения темпов личного потребления и погони за удовольствием. Человек традиционного общества понимал себя как «Я – это мои принципы». Человек светского общества понимает себя уже по-новому: «Я – это мои вещи». При переходе из одного состояния в другое теряется душа. Раньше вещи были приложением к человеку. Теперь человек становится приложением к вещам.

История с эпохой Возрождения один в один повторяет историю появления морфия. Когда в XIX веке выделили чистый морфий, все почитали его за чудо-лекарство. Например, такой известный ученый как Фрейд, рекомендует его своим пациентам от всех болезней. И только спустя несколько лет общество понимает, что скрывается за «лекарством». То же самое происходит и с прогрессом. Сначала его воспринимают как путь к счастью. Бога нет, никто не мешает, делай что хочешь, и прочее. Религия воспринимается в худшем случае как мракобесие и отсталость, в лучшем случае как традиция, сводимая к выполнению обрядов. Из центральной силы Вера превращается во что-то нелепое, бесполезное и смешное. С этого момента западное человечество живет своей жизнью, религия своей.

Начало упадка веры незамедлительно отражается на широких массах. Больше никто ни во что не верит. Честь, совесть, понятие долга и высшие принципы стремительно исчезают. Плотская жизнь стала пониматься как единственное сокровище, радостями которого надо

успеть насладиться. Решающее значение обретают деньги. Прорисовываются контуры потребительского общества, общества без Бога, или как его еще называют, светского общества.

Князья забывают о высоких принципах и воюют с единственной целью – обрести земные блага. Для победы нужна большая армия и, следовательно, сильная экономика. Сильная экономика возникает, когда подданные стремятся богатеть. Чтобы главным делом подданных стало накопление богатства, надо «сворачивать» религию, которая учит это самое богатство презирать.

Так возникает вопрос о «вреде религии». Первыми этот «вред» осознали власть имущие. Разложение захватывает Церковь. Религией в прямом смысле начинают торговать. Практикуется отпущение грехов за деньги, торговля церковными должностями, протаскивание родственников на «теплые» места и прочее.

Процесс охватывает всю средневековую Европу. Но к чему это приводит? Казалось, мечта идиотов сбылась. Устремившийся к богатству народ создал сильную экономику, что позволило содержать большую армию. Но солдаты теперь воевали исключительно за деньги. На практике выяснилось, что наемная армия не очень хочет сражаться. Макиавелли, живший в то время, писал, что наемники отличаются от национальной армии двумя качествами: они быстро отступают и медленно наступают. Толпы наемников бродили по Европе, перепродаваясь от одного герцога к другому. Иногда в решающий момент битвы. Кто заплатит больше, тот и победил. Ситуация, чем-то похожая на современные демократические выборы.

Стало очевидно, что путь без религии, – это путь разложения. И вновь возникает проблема. Как, с одной стороны, сделать, чтобы государство было экономически сильным, и люди в нем стремились к богатству, но, с другой стороны, чтобы при этом они почитали мораль, веру.

Умирать за деньги нельзя. Как говорил Юлий Цезарь, «можно найти много людей, готовых убивать за деньги, но нельзя найти людей, готовых умирать за деньги». К слову сказать, технически мощные США сегодня сталкиваются с аналогичной проблемой. Солдаты не хотят умирать за деньги. Это первая причина, по которой американская армия завязла в военных конфликтах.

Князья Нового времени озадачиваются вопросом, как создать ручную, управляемую религию. Выполнить это возможно не иначе, как через раскол католической церкви. Начинается эпоха создания «карманных» церквей. Первыми в этом процессе выступили немецкие князья. Они поддержали некоего Мартина Лютера, протестовавшего против имевшихся в церкви злоупотреблений. Своим протестом он не избавил церковь от пороков, но расколол. Конечно, если бы не поддержка немецких князей, увидевших в этом возможность достижения политических целей, никто бы не знал ни этого монаха, ни его протестантизма. Но он, как говорится, оказался в нужное время в нужном месте. Его страстные обличительные речи породили протестантизм, эволюционировавший в кальвинизм и далее в капитализм.

Чтобы понять, почему это учение принесло такие неожиданные плоды, нужно уловить логику протестантизма. Он ведь тоже превратился в капитализм не сразу. Протестантизм Лютера резко отличается от протестантизма Кальвина. Если первого можно назвать добрым католиком, то второй уже открыто проповедовал, что количество денег определяет спасение души.

Объективности ради следует заметить, Кальвин говорил, что Бог метит своих избранных не только богатством, но и страданием, но вторая часть как-то не нашла признания. Люди слышали только то, что деньги есть признак богоизбранности.

Это было революционно новое заявление. Поначалу на него мало кто обращает внимание. Религия к тому времени утратила статус института, задающего направление обществу. Католические и протестантские богословы спорят на обочине жизни, хорошо это или плохо.

У Кальвина находятся последователи. Не потому, что они разобрались в тонкостях доказательной базы, утверждавшей за деньгами спасительную для души силу, а потому что это

заявление соответствовало их внутреннему стремлению. Религия Кальвина фактически узаконила добывание денег любыми путями.

Отметим, что успех Гитлера базируется на тех же стимулах, что и успех Кальвина. Оба эти деятеля говорили массе: вы избранные, и только в силу факта вашего существования у вас есть право реализовывать свои желания за счет низших. Корни колоссального успеха здесь в том, что масса охотнее принимает не то, что истинно – в этом она разобраться не может, – а то, что соответствует ее желаниям в чувственной сфере. Фашистские лозунги всегда и везде будут находить в широких массах горячих последователей.

Князья, избавившиеся от опеки религии, добившись политической самостоятельности, погружаются в сиюминутные проблемы. Утрата европейским обществом религии означала, что нет больше сил, способных понять ситуацию. Запущенный процесс начинает развиваться самостоятельно, сообразно внутренней логике. Страшные по разрушительной силе тенденции крепнут и набирают обороты. Но пока этого никто не видит, ибо нет больше сил, способных осмыслить и понять ситуацию в должном масштабе.

Глава 2

Логика как бомба

Религия – это поиск истины через Откровение. Философия – это поиск истины через логику. Протестантизм, возникший как политический инструмент, чтобы стать легитимным, создает собственную мировоззренческую базу. С самого начала он был обречен уже только потому, что его основатель, Мартин Лютер, не был пророком. Он не получал Откровений из миров, лежащих за пределами человеческого сознания, и потому не мог оперировать ничем, кроме здравого смысла. Уже только за это протестантизм следует называть не религией, а философским учением.

Единственным ориентиром протестанты объявляют Священное Писание – Библию. Остальное, что накоплено за полтора тысячелетия – Священное Предание, Соборы, почитание икон, многие таинства и прочее – отвергают. Не осталось ничего, кроме логики и Библии, понимаемой через призму логики. В результате за века из протестантизма получилась светская организация, называющая себя церковью, а своих членов христианами. На самом деле от христианства там осталось только название.

Предвидя негодование простых протестантов, хотя мы предполагаем, что совсем простые люди не будут читать эту книгу хотя бы потому, что ее нужно читать, мы все же находим нужным извиниться перед честными людьми, исповедующими свою религию. Мы не хотим никого обидеть в светлых чувствах, и потому все, о чем здесь повествуется, носит крупный характер, никак не касающийся отдельной личности.

Не стоит заблуждаться почитанием протестантами Библии. Без Веры суетный ум не способен вместить догматы Откровения, Священное Писание и Священное Предание. Для рационального ума это не более чем набор невероятных басен и неправдоподобных мифов, кем-то сочиненных на досуге. Чтобы выскочить из множества противоречий, логику необходимо подчинять Вере, а не наоборот. Не верить глазам своим так же, как мы каждый день видим, что Солнце движется, а Земля стоит, но утверждаем обратное, то есть что Солнце неподвижно, а Земля перемещается вокруг него. Крупная логика должна строиться на догматах, не имеющих видимого подтверждения, но найденных в Откровении.

До великого раскола, когда Церковь была единой, оперировать в метафизической сфере логикой можно было лишь до известного предела. Когда Арий, пресвитер Александрии, «вычислил», что раз уж Христос рожденный, значит, «однажды появившийся», то есть не существовавший до рождения и потому не единосущный Богу, Никейский Вселенский Собор назвал это логичное утверждение ересью. Собор утвердил Символ Веры, говоривший о Хри-

сте как о «рожденном прежде всех век», то есть до начала Бытия. Понять это в детерминированной логике нельзя, в это надо верить. Для этого нужно признать невозможность человека выйти за человеческие рамки. Арий не мог этого признать и расколол своей ересью Церковь. Для кого авторитет Ария был выше авторитета Церкви, те откололись от Вселенской Церкви. К слову сказать, большой раскол всегда организуется очень крупным религиозным авторитетом. Простой человек на такое не способен.

Верующие, принимая основные постулаты на веру, не нуждаются в том, чтобы оправдать свою веру логикой. Когда Фома сказал, что не поверит в воскресение Христа, пока *«не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его»* (Ин. 20, 25), Христос явился и сказал *Фоме неверующему: «Поддай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал Ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие»* (Ин. 0, 27—29). Настоящая вера это никогда не знание. Это огромное чувство, не нуждающееся ни в каких доказательствах. Это единственный вариант абсолютного знания, потому что любое знание, выведенное из логики, любое без исключения, можно усомнить.

И только вера несомненна. Христиане, не искавшие логического оправдания веры, стали верующими по сути и по духу. Верующими, а не знающими.

Протестанты же взялись осмысливать веру в Бога с помощью логики. Не сделай они этого шага, через несколько десятков лет протестантизм сошел бы на нет, бесследно распавшись, как распались тысячи подобных групп. Но они сделали этот шаг, и последствия его были велики. С другой стороны, не будь протестантизма, было бы что-то подобное. Ради сохранения власти светские князья поддержали бы любое иное учение, дающее им независимость светской власти от церкви. Светской власти нужно было легализовать свою независимость.

Если поместить сокровенное знание в рациональный формат, происходит умаление религии. Поэтому оперировать логикой в вопросах, находящихся за пределами земного мира, нельзя. Логика хороша для сиюминутного. В вечных вопросах она вредна. Великие западные умы говорили о недопустимости оперировать логикой в вопросах метафизики. Но здесь мы натываемся на парадокс, который позволяет заключить, что новоевропейские философы не понимали характера своих действий. Например, Лейбниц, повторивший за Тертуллианом знаменитое «верую, ибо абсурдно», одновременно участвовал в развитии принципиально иной мировоззренческой базы, в которой отсутствовала идея Бога.

Абсурдное для земного мира не означает абсолютной абсурдности. Виднейший католический богослов, святой Фома Аквинский, в конце жизни признался, что все его труды – солома, и любая неграмотная бабка знает больше, ибо верит, что душа бессмертна. Ни одна логика не может вместить знания бабки. Приоритет бабкиной веры перед логикой ученого мужа получил название «парадокс Фомы».

Поскольку неземной мир не умещался в земную логику, а для узаконивания светской власти его требовалось уместить, возник опасный феномен – новоевропейская философия. Этот тип философии давал светскому обществу фундамент. Протестантские богословы, пытавшиеся осмыслить Откровение, выстраивают многосложные логические конструкции. Но трактаты, логически доказывающие благость Бога и наличие загробной жизни, ни на йоту не способствовали росту веры. Доминирование логики выхолащивало из протестантизма суть христианства. Земные цели начали вытеснять небесные. Князья церкви, получив в лице логики инструмент, посредством которого можно было оправдать любые пороки, постепенно узаконивают свои плотские желания (снова «все равны, но некоторые равнее»). Возникает двойная мораль. Главным ориентиром становится не Откровение, а наличие светской власти и богатства. Отсюда берет начало претензия римского епископа на главенство.

Глава 3

Тупик

Согласно протестантской теории предопределения, человек еще до своего рождения имел нечто вроде маршрутного листа, определяющего всю его жизнь. Такой взгляд на свою судьбу уничтожает смысл добрых дел. Какой в них смысл, если все предопределено? Спасение души не зависит от того, что ты делаешь, потому что ты все равно не можешь сделать то, что не предопределено. Еще раз подчеркнем, что простые люди не руководствовались такими умозаключениями. Они просто верили. Зато для одаренных людей, жаждущих оправдать и освободить свои страсти, эта доктрина была своего рода духовным Клондайком. Протестантизм через предопределение дал «лицензию» на совершение греха.

Исходя из этой логики, самые отвратительные поступки получают если не благословение, то оправдание. Выходило, не ты совершаешь плохие поступки, а так устроил Бог. И человек не в силах свернуть с пути, предначертанного Богом, ибо если это возможно, значит, Бог не всемогущ и не всезнающ, что противоречит Его природе. Любой самый темный верующий легко и непринужденно справляется с этим противоречием, даже не замечая его, поскольку верит, что Бог всемогущ, а человек свободен, не замечая противоречия. Вера спасает его от заблуждения.

Вскользь отметим, что выросшая из протестантизма наука тоже пришла к предопределению. Лаплас заявил, что, зная скорость, массу и движение всех частиц мира, теоретически можно вычислить будущее. Снова предопределение, только логическое. Ньютоновская модель мира, понимавшая Вселенную как гигантский часовой механизм, тоже не отрицала такой возможности. И только физика Эйнштейна разрушила механическое понимание мира. Но великий физик пришел к своей теории, оперируя не только логикой, но и обращаясь к Священным текстам. Когда великий датский физик и христианин Нильс Бор предположил, что некоторые элементарные частицы обладают волей, от предопределения даже в такой точной науке как физика не осталось и следа. Показателем масштаба его миропонимания служит известная фраза: *«Современные концепции недостаточно безумны, чтобы дать истинное понимание сути физического мира»*. Примерно в это время само понятие физики как точной науки типа арифметики прекратило существование. Отныне физики-лирики стало не образом, а фактом. Физика входила в области, которые цифра не могла охватить.

Возвращаясь к теме протестантизма, необходимо отметить, что логика, справедливая для земного мира, разрушила догматы мира вышнего. Вместо свободной воли и выбора родился механицизм, отказывающий человеку в свободе, уподобляя его механизму, выполняющему заранее определенную программу. Убивая свободу, волю и выбор, предопределение уничтожило основу христианства – равенство перед Богом. Получалось, не все люди равны. Есть избранные, им уготован рай и вечное блаженство, и отверженные, обреченные на вечные муки ада. Согласно протестантской доктрине, Христос своей крестной смертью открыл путь ко спасению не всем, а лишь избранным.

С рациональной точки зрения догмат предопределения не имеет изъянов. Но все религии отказываются оперировать логикой в метафизических вопросах. Попадая в противоречие между всемогуществом Бога и свободой человека, мировые религии не выбирали что-то одно, а делали волевое усилие в пользу и того, и другого. Бог знает все, но человек остается свободным. Это утверждение противоречит рациональному мышлению, но соответствует метафизическому, сохраняя веру.

Ряд тупиковых вопросов, вроде «если Бог всемогущ, может ли Он создать такой камень, который не сможет поднять», не предполагают ответа, потому что всякий ответ умаляет всемогущество Бога. В этих вопросах слышится отголосок мудрования древних (например, апо-

рии Зенона о летящей стреле, полет которой состоит из стояний, или о быстроногом юноше, который никогда не догонит ползущую черепаху).

Обратите внимание, это не тот тип запрещенных вопросов, о которых говорил Оруэлл. Это осмысленное позиционирование веры выше логики. Такие вопросы были признаны неправомочными, бесовскими, принадлежащими к разряду софистики не как бездумный фанатизм, а как результат глубочайшего осмысления.

Таких примеров множество, и все они подтверждают только то, что абсурдное для нашего мира не означает абсолютной абсурдности. *«Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: „уловляет мудрых в лукавстве их“»* (1 Кор. 3:19). Различие законов физики Ньютона и Эйнштейна объясняется тем, что законы, абсурдные для макромира, естественны для микромира, и наоборот. Человеческие чувства много чего не могут зафиксировать, но это не означает, что не доступное чувствам не существует. Если из некоего объема пространства убрать все, что там существует, про пустой объем нельзя сказать, что там ничего нет. Всегда будет правильнее сказать «там нет ничего, известного мне».

Православие и католицизм, в отличие от протестантизма, спокойно приняли на веру догматы Откровения. Кит проглотил Иону, что невозможно физиологически, но мы верим, а не рассуждаем. Из этого следует, что чем человек умнее, тем яснее сознает границы своего ума, и наоборот, чем глупее, тем больше считает себя всезнайкой. Сократ был настолько умен, что своим единственным знанием объявил незнание: «Я знаю, что ничего не знаю». Эту мысль великолепно выразил Достоевский в романе «Преступление и наказание», наделив ею Родиона Раскольникова: «Если на одном полюсе будет истина, а на другом Христос, я предпочту Христа».

Глубина мысли, заложенная в этой фразе, остается за рамками возможностей рационального мышления, потому что здесь трехмерная истина заканчивается, и начинается истина Христа – абсолютная истина, которую нельзя понять. В нее можно только поверить, как ребенок. *«Кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него»* (Мк. 10:15).

Глава 4 Новые ориентиры

Теория предопределения отвергала любой ориентир в принципе, тогда как людям необходимо на что-то ориентироваться. Но как быть, если все заранее предопределено? На горизонте маячил призыв «делай что хочешь», что в переводе означало «делай, что приятно телу».

Предопределение в чистом виде оказывалось ловушкой. Протестанты вынуждены были отказаться следовать логике предопределения. Они объявляют ориентиром избранных. А как определить, кто избран, кто обречен? Выстраивается следующая логика: раз Бог кого-то делает богатым, значит, Он награждает этим человека, то есть избирает его (избранничество через страдания не получило в протестантизме развития).

Ориентиром становится материальное благополучие и богатство. Избранность начинает определяться не поступками и делами, а деньгами. Богатый и избранный становятся синонимами. Бедность теперь оказывается признаком греховности. Полюса меняются местами, и с этого момента начинается религиозное стремление к богатству. Люди хотят быть богатыми не для того, чтобы лучше жить, а для того, чтобы попасть в число избранных и спасти свою душу.

В самой постановке вопроса содержится логическое нарушение. Человек, чтобы стать богатым, должен приложить к этому усилия, то есть не отдаваться на волю волн, а что-то делать. В конечном итоге он обретал спасение не по заранее определенному плану, а через свои дела. Выходит, спасение зависело от человека, а не было заранее предопределено. Согласно той же логике, это явно противоречило протестантскому учению, утверждавшему, что любое действие предопределено.

Здесь очень важный момент: протестанты отказываются следовать логике до конца. Обратите внимание, они отказались верить в спасение души через Откровение, потому что этому нет логического подтверждения, но поверили в спасение души через богатство, хотя это тоже противоречит логике. Вера в спасительную силу денег не имеет под собой никакой логики, как и вера в Откровение. Оба варианта – чистая вера, противоречащая логике. Но они, выбирая из двух возможных вариантов один, принимают веру в спасительную силу денег.

В православии и старом варианте католицизма значение поступка – в самом поступке, а не в его результате. Решающее значение имеет искренность намерения. Если ты всю жизнь что-то делаешь, но не достигаешь результата, или, более того, получаешь отрицательный результат, это не означает ошибочности твоих действий. Если ты все делаешь честно, пусть даже и безрезультатно, значит, ты прав. Честные намерения, которые ты пытаешься безуспешно реализовать, выше самого результата.

Будет или не будет результат, зависит не от человека, а во многом от случая и удачи. В России на эту тему есть замечательная поговорка: Бог намерения целует. Для Бога важен не столько результат, сколько намерения. Любые действия человека в глазах Бога равно малы, как действия микроба в глазах человека. Если мы представим микробов в виде людей и захотим оценить действия микроба-Наполеона и микроба-крестьянина, мы будем руководствоваться не количественными, а нравственными показателями, то есть смотреть, какой микроб честнее и благороднее себя вел. Потому что действия того и другого равно ничтожны в наших глазах. Аналогично и Бог, оценивая деятельность человека, руководствуется не объемом сделанного, а честностью намерений и мотивами.

В протестантизме все наоборот. Сами по себе поступки не имеют значения, важен только результат. Все оценивается с позиции экономической эффективности. Чем ты больше богатеешь, тем больше становишься избранным. Как богатеешь, – дело десятое.

Этих фактов достаточно, чтобы сделать окончательный вывод: протестантское учение есть не философия, а религия (назвав ранее протестантизм философией, мы ошиблись). Свою генеральную направленность она выводит не из логики, а из веры. Протестанты верят, что деньги способствуют спасению души, и никакой логики под этой верой не было, нет и не может быть.

Таким вот замысловатым путем возродилась религия денег, поклонение древнему боже-ству – маммоне. В древнем Карфагене в раскаленное чрево огромного быка по имени Молох бросали живых младенцев. Спустя тысячелетия, в эпоху общества потребления, жертвоприношение примет другие формы. Младенцев будут умерщвлять посредством абортот. Живых, ни в чем не виноватых людей, еще не успевших родиться, будут называть плодом и мучительно убивать только затем, чтобы кто-то выглядел «секси». В итоге младенца приносят в прямом смысле в жертву духу блуда. Изменится ритуал, способ, но суть та же – служение «золотому тельцу», и если взглянуть шире – сатане.

Глава 5

Рождение капитала

Протестантская этика предписывает ради спасения души много работать и мало тратить. Христиане, мусульмане, иудеи и прочие служат Богу, надеясь получить награду потом, после жизни. Ранние протестанты, копиа богатство, тоже надеются получить награду потом. И в том, и в другом случае это именно служение. Только одни служат Богу, другие «тельцу».

Люди начинают с религиозной страстью гнаться за богатством. Накал коммерческого подвижничества тех лет сравним только с религиозным подвижничеством. Видимые последствия протестантского мировоззрения на первый взгляд положительны. Люди много и честно работают. Труд спасает их, как говорил Вольтер, от трех главных зол – скуки, нужды и порока.

Но избегают они пороков не потому, что находят пороки неприемлемыми, а потому, что это препятствует достижению главной цели – накоплению богатства. Глупо тратить деньги – ключ в Царство Небесное, на радости быстрой жизни. Глупо отдыхать и/или делать то, что не приносит прибыли, когда есть возможность заработать. Так деньги становятся сродни иконе, и маммона материализуется. Зарождается капитал, материальные активы, предназначенные для воспроизводства и умножения самих себя.

Пионерам капитализма срочно требуются рабочие руки, и западные государства в ответ начинают проводить политику, отвечающую запросам промышленности. Поощряются процессы, отрывающие сельское население от земли и прикрепляющие его к фабрикам. Монархи сознательно идут на такую политику, потому что развивающаяся экономика увеличивает военную мощь. Протестантизм дал техническому прогрессу гигантский толчок. Наиболее революционные новшества приходятся именно на этот период. Возникает еще более жесткая связь между экономикой и безопасностью. Доблесть умалается еще сильнее. На высшие ступени общества все чаще проникают не люди чести, а либо коммерсанты, либо воины-хищники, прообраз «белокурой бестии», ставящей свою гордыню выше всего на свете.

Зависимость безопасности от экономики провоцирует невиданный в истории промышленный скачок. Теория предопределения дает экономическому людоедству оправдание. Избранные получают моральное право на нечеловеческую эксплуатацию отверженных.

Протестантские коммерсанты того времени не видели ничего предосудительного в эксплуатации «второсортных». Раз они все равно обречены на вечные муки, какой смысл с ними церемониться, спрашивали они себя. Что изменится, если к вечным мукам ада добавятся временные муки земли? По логике, ничего...

Чем эксплуатация жестче, тем экономический результат выше. Последнее обстоятельство решало все, из несчастных выжимали максимум прибыли. Даже если эксплуатировались отверженные, коим от роду пять лет, в этом не усматривалось ничего особенного. Да, дети умирали достаточно быстро, а если и выживали, то к 10—12 годам становились калеками, их просто выкидывали на улицу за ненадобностью. Но этим питался Молох, именуемый теперь Прогрессом, это было прибыльно. Кто знает, может, Бог зачтет отверженным земные страдания и облегчит их участь в аду, куда они все равно попадут, думали набожные обыватели, подчитывая прибыль.

* * *

Раньше безопасность общества зависела от воинов, воины – от чести, а честь – от религии. В конечном итоге безопасность зависела от религии. В новом мире безопасность в итоге зависит уже не от религии, а от экономики. Экономика – от коммерсантов, а коммерческая деятельность от отсутствия ограничений. Поскольку самые большие ограничения устанавливала религия, безопасность общества зависела от отсутствия религии.

Снова все ставится с ног на голову. В новых условиях зарождается сила, ориентируемая на прибыль любой ценой, даже ценой уничтожения самого общества. На сегодня эта сила выросла в транснациональные корпорации, небиологическую форму жизни, цели которой отличны от целей общества.

Глава 6

Международный рынок

Рост производства необходимым образом приводит к развитию торговли, в том числе и международной. Начинается эпоха великих географических открытий. В новых землях находят не только золото, но и непривычного вида людей. Возникает вопрос: как к ним относиться?

Католики, мусульмане, православные и вообще все сходятся на том, что это люди. И только протестанты, которые даже в своих гражданах отказывались видеть полноценных представителей человечества, говорят, что это не люди. У них нет души, заявляют они со своих кафедр и подкрепляют это утверждение сложной цепью логических умозаключений.

Согласно их доктрине, это оригинальный вид обезьян, человекоподобных существ, которых можно научить несложной физической работе, как скотину, и примитивной человеческой речи, как попугая, но это не повод приравнивать их даже к второсортным людям. Индейцев, папуасов, африканцев и прочих зачислили в третий сорт. Выстроилась иерархия: 1) люди избранные; 2) люди отверженные; 3) человекообразные животные. Третий сорт рассматривают как двуногую скотину, объект купли-продажи, которую нужно поймать, приручить и использовать. В прямом смысле начинается охота на людей. Несчастных штабелями складывают в корабельные трюмы и везут на невольничьи рынки. Во время перевозки гибнет до 90 % пассажиров.

Оправдать разворачивающийся процесс в рамках христианства было невозможно. Витиеватые логические конструкции не усваивались широкой народной массой. Люди чувствовали за всей этой казуистикой подвох. Сознание в прямом смысле раздваивалось. С одной стороны, строжайшие моральные правила в личной жизни, сравнимые с нравами первых христиан, с другой стороны, безудержное стремление к деньгам. Христос учил помогать слабым, а протестантская теория учила грабежу. То, что он был завуалирован религиозными сентенциями, ничего не меняло.

На этой волне вырастает новый тип общества, прообраз потребительского, которое заявляет о своем праве понимать жизнь как непрерывную гонку за удовольствием. Такие люди были всегда. Но если раньше они ощущали себя грешниками, преступниками против Бога, то теперь это переосмысливается. Новый класс людей активно завоевывает место под солнцем. Их образ жизни внешне привлекателен, и потому быстро соблазняет широкие массы. Протестантское общество сталкивается с парадоксом. Чтобы попасть в рай, нужно стать богатым, но чтобы стать богатым, нужно отказаться от христианства.

Два взаимоисключающих направления раздирают общество. Одна половина продолжает жить в соответствии с христианскими ценностями, другая ориентируется... на ценности буржуазные. Зачастую граница этих двух мировоззрений проходит, образно говоря, по сердцу человека. Расколотое и в себе самом, и в каждом из своих членов, общество подходит к черте, за которой стремление к богатству больше невозможно сочетать даже и с урезанной христианской моралью. Государство оказывается между молотом и наковальней. С одной стороны, экономика требует оставить все духовные и моральные ограничения. С другой стороны, все громче заявляет о своих правах новый тип людей, видящих смысл жизни в удовольствии. Эти тенденции начинают уничтожать ключевые принципы общества.

Поскольку выживание в банке с пауками требует большого ума и силы воли, финансовую и промышленную элиту образуют самые умные и волевые хищники. Общество из единой структуры превращается в собрание независимых индивидов, объединенных экономическими отношениями. Целью жизни провозглашается философия успеха. Вместо идеи общего спасения, достигаемой коллективной ответственностью, рождается идея личного успеха, где каждый отвечает лишь за себя. Личное благо становится выше общего. Коллективизм сменяется индивидуализмом. Возникает целая когорта людей, ориентированная эксплуатировать кого угодно и как угодно, если это несет прибыль. Элита в своих целях опускается до целей простолюдинов и прекращает быть элитой. Теперь это просто богатые простолюдины, флюгеры, которыми крутит ветер выгоды. Пресыщенные аристократы, ориентированные только на получение удовольствия, являя собой предмет для подражания, увеличивают скорость процесса разложения.

Стремление соответствовать собственной самооценке направляет энергию наиболее амбициозных людей в потребительское русло. Хочешь увеличить социальный статус? Тогда

увеличить свои потребительские возможности. Смысл жизни понимается в том, чтобы любым путем приобрести как можно больше денег, чтобы потом их потратить. Здесь кроется подвох. Природа человека такова, что после определенной цифры деньги превращаются для него в талоны на игру, то есть в инструмент для достижения не личных, а иных, очень крупных целей. Если крупных целей нет, человек «осваивает» огромные суммы, пропуская через себя горы товаров и услуг и тем самым разрушая себя. На первых порах это незаметно, но по мере нарастания потока порочность такого подхода обнажается. Кто «прокачивает» через себя огромные суммы, тот неминуемо пускается во все тяжкие, превращаясь в физическую и моральную развалину.

Потребительство счастья никому не добавляет. Материальный достаток может быть приложением к счастью, но самого счастья он никогда не заменит. Ложь современной демократии в том, что она культивирует мысль, будто деньги и вседозволенность есть квинтэссенция счастья.

* * *

В эпоху Возрождения (язычество возрождается, христианство в упадке, то есть эту эпоху можно назвать эпохой Упадка) развивается особый, доселе невиданный вид экономики, ориентированный не на обеспечение общества, а на получение прибыли за счет общества. Кажется, это одно и то же. На самом деле это разные вещи. Например, табачные компании, проституция или игорный бизнес разрушают общество. Тем не менее светские власти от них не отказываются, потому что те приносят огромную прибыль, тогда как борьба с ними несет убыток. Оперировав сиюминутной выгодой, вытекающей из мелкого мышления, правители делают логически верный вывод на данный момент, но ошибочный в долговременной перспективе.

Чтобы узаконить начавшиеся изменения, требуется новый идейный фундамент. Надо помочь человеку осознать, что в поисках истины необходимо руководствоваться не религией, а логикой. Восстанавливается языческий образ мысли. Декарт закладывает метафизическую основу для нового общества. Философы нового времени берут за точку отсчета не Бога, а утверждение «Я мыслю, следовательно, существую», то есть то единственное, в чем нельзя усомниться, оставаясь в рамках логики. Лейбниц совершенствует эту мысль, и рождается целая философия, в которой Богу если и есть место, то очень незначительное. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель рождают метафизику «абсолютного субъекта», не зависимо ни от чего окружающего, отрицающего все, в чем можно усомниться, и находящего самого себя в самом себе. Для нормального человека новоевропейская школа кажется пресыщенной фантазией, галиматией и парадоксом. Но, как бы там ни было, процесс пошел. Культ чистого разума породил культ знания, которое стало знаменем нового мира. С этого момента раковые клетки, пожирающие донора, маскируясь под Прогресс, чувствуют себя в законе. Знание, оторванное от Бога, начинает убивать человечество. Говоря словами Ницше: *«Где древо познания, там рай: так вещают старейшие и новейшие змеи».*

Глава 7

Возрождение язычества

Религиозный человек воспринимал себя, бесконечный Космос и Высшие силы как единое целое. Он не чувствовал одиночества и страха, потому что не оставался один на один с этими силами. Церковь объединяла индивидов в общество, и люди вместе стояли перед Богом. Религиозный страх имелся, но он не переходил границ, не превращался в фобию. Так было до тех пор, пока протестантизм не назвал Церковь лишним посредником, превратив человека в индивидуалиста, оставив его один на один перед лицом Высшей Силы.

Холодный страх наполнил все существо человека. Ушло ощущение безопасности. Раздавленный величием Бесконечности, человек из богоподобной личности, устраивающей свою судьбу, превращается в винтик, от которого ничего не зависит. Казалось, это должно породить апатию, но новое понимание денег дает обратный эффект. Человек, испытывая потребность спрятаться от «лишних» мыслей, с головой погружается в труд ради богатства, что согласуется с протестантской теорией богоизбранности.

Если раньше язычество накладывалось на преклонение перед Природой, то теперь оно совмещается со стремлением покорить Природу. Языческий образ мысли, лишенный своих богов, усиливает прогресс.

Христианские ограничения ломаются, возникает потребность обосновать этот слом в теории. Философы Нового времени за несколько последовательных шагов решают поставленную задачу.

Первый шаг: христианство заменяется деизмом – учением об отсутствующем Боге-Творце, создавшем мир и оставившем его на произвол судьбы.

Второй шаг: деизм заменяют пантеизмом, отрицающим Бога как личность и сводящим Его к безличностной природе, Богу-природе.

Третий шаг: пантеизм заменяется атеизмом – отрицанием Бога в принципе. «Сказал безумец в сердце своем „нет Бога“» (Пс. 13, 1). С этого момента человечество берет курс на последний акт трагедии – переход от атеизма к сатанизму. «Золотой телец» признается высшей силой, которая предлагает награду за службу в виде того или иного удовольствия. Наступает культ человеческого разума. Декарт пишет, что может признать существующим только то, в существовании чего не сомневается. То есть область метафизической веры и Откровения отрицается как единственно возможный фундамент, поскольку в существовании Бога можно усомниться. Нельзя усомниться только в существовании нашего «Я», ведь само сомнение доказывает существование сомнения, а значит, и сомневающегося. «Сомневаюсь, следовательно существую», что сегодня известно как «мыслию, следовательно существую» (*cogito ergo sum*).

Развитие этой теории приводит к тому, что мир сужается до области, воспринимаемой пятью человеческими чувствами. Все, что наши чувства не могут зафиксировать, объявляется дикостью, пережитком и мракобесием. Просвещенное человечество уподобляется дикарю, отрицающему радиацию только на том основании, что он ее не видит и не слышит. Земная логика выталкивает христианство из жизни народа. Когда высшим ориентиром становится материальная выгода, логика подсказывает, что, с точки зрения сиюминутной выгоды, грабеж слабых результативнее их защиты. Так вступает в действие знаменитый тезис «человек человеку – волк».

Трудовая одержимость, выполняя роль локомотива, окончательно перетаскивает общество из религиозной эпохи в светскую (тоже, по сути, религиозную, но в «перевернутом» варианте). Меняется мировоззренческая платформа. Вчера человек жил для Бога, сегодня стал жить для себя. В центре новой социальной модели теперь расположен не Бог, а человек. Рождается лозунг «Все во имя человека, все для блага человека». За его внешней привлекательностью прячется другая мысль: «Все во имя плоти человека», которая при еще более точном прочтении оказывается «все для плотских желаний», где «Я» умалется. Душа в нарождающемся новом обществе не принимается в расчет. Культ разума вытесняет из жизни все иррациональное, и начинается эволюция наоборот.

Атеистические ножницы отрезают человека от Бога. Знакомая Вселенная превращается в огромную черную бездну, которую никакой атеизм не в силах ни убрать, ни объять. Став чужой, она давит сильнее, чем прежде. Белый свет сменяется черным космосом. Эти цифры, расстояния, объемы, которых человек не может даже вообразить, разрывают сознание. Без религии космос становится страшным, холодным и непонятным. Человек боится этих мыслей. Женщины не знают, кого любить, мужчины не знают, чему служить. Люди прячут внутреннюю

растерянность за рутиной ежедневных действий, личными и материальными успехами, смешанными с сиюминутными удовольствиями. Мысли о вечном потребительском обществе ставятся под запрет. Постепенно человек превращается в вещь, существующую в искусственно созданном мире-механизме, и выполняющую функцию большой... или очень большой, или очень маленькой, но всегда шестеренки, для которой вопроса о смысле жизни не существует.

Смена протестантизма атеизмом не изменила главного – человек подсознательно продолжает чувствовать себя ничтожеством, от которого ничего не зависит. Страх перед холодным и немилосердным протестантским Богом, обрекающим на муки невинных людей, сменяется атеистическим страхом перед гигантской Тайной, постигнуть которую, согласно той же логике, невозможно, потому что конечное не может вместить бесконечное. Атеист может считать себя центром вселенной, но это не меняет сути дела. Отныне космос для него бесконечно гигантский непонятный механизм, на который он никогда не сможет повлиять, потому что конечное не может влиять на бесконечное. Нет ни души, ни духа, только слепая игра стихии, стремящаяся к абсолютному покою – смерти. Атеизм, назвавший человека случайным скоплением молекул, убил последний шанс на гармонию с Космосом. Молчание и бесконечность гигантских пространств подчеркивают ничтожность и бессмысленность человеческого существования. Громкие заявления о покорении природы стихают. Акцент переносится на совершенствование утюгов и телефонов.

Оптимистическая вера атеистов в свои неограниченные возможности разбилась о действительность. Очень скоро выяснилось, что ни человек, ни группа людей не могут противостоять новому божеству по имени Рынок. Если члены нового общества нарушат закон Рынка, они упадут. Миллионы таких же даже не перешагнут их. По закону Рынка упавших просто затопчут. И это страшно, потому что это не по-человечески. Здесь предчувствие ада.

Человек, чтобы не быть раздавленным, вынужден выполнять законы Рынка так же тщательно, как некогда выполнял законы Бога. Величие Рынка стало настолько огромно, что люди лишились уверенности в себе. Все признали, что никто на планете не в состоянии управлять поведением Рынка. Протестантизм, упразднив священство и оставив человека один на один с Богом, сменился атеизмом, поставившим человека лицом к лицу с Рынком. Поменялось божество, но суть осталась той же – абсолютная зависимость от непонятной могущественной силы, перед которой человек вынужден преклоняться. Разница только в том, что одна сила требовала быть человеком, а вторая – животным. Рынок заставил человека искать в экономике ответы на все вопросы точно так же, как недавно человек искал ответы в Откровении.

Рождающаяся цивилизация, несмотря на преемственность мировоззрения древних, была принципиально новой. Рим и Греция, как бы логичны они ни были, возводили нерациональные, с точки зрения логики, храмы целому пантеону богов, в том числе и алтарь неведомому Богу. Светская цивилизация ничего, кроме храмов Рынку, не возводила. Банки, торговые центры, супермаркеты и биржи изначально были не просто зданиями. Они являлись культовыми сооружениями, храмами, призванными своим величием подавить и ослепить индивида.

* * *

Разрушение христианской морали шло такими темпами, что обществу грозил хаос. И тогда отцы-основатели озадачиваются созданием нового фундамента. Они берут что-то от протестантизма, что-то от язычества, что-то от философии древних, в частности Протагора (человек есть мера всех вещей), смешивают все это с атеизмом, и из такой гремучей смеси рожают парадоксальную теорию гуманизма. Провозглашаются различные права и свободы, изначально предназначенные не для всех, а только для «первосортных» за счет эксплуатации «низкосортных», на которых блага гуманизма не распространяются.

«Белая и пушистая» теория гуманизма, со всеми его правами и равенствами, на практике представляет обман чистейшей воды. Дело не столько в расистских амбициях, сколько в элементарных расчетах. Уровень жизни, на который претендует западноевропейец, даже теоретически нельзя обеспечить остальному населению планеты. Ресурса не хватит, чтобы всем шести миллиардам дать западный уровень жизни. Население США, составляющее около 5 % населения планеты, потребляет 40 % земных ресурсов. Если такой уровень потребления обеспечить еще 5 %, это составит 80 % ресурсов. А если еще 2,5 %, то ресурсы окажутся использованными на 100 %. Принимая в расчет, что рыночная экономика призвана обеспечить высокий уровень потребления, не надо забывать, что и существовать она может только при неуклонном росте потребления, иначе умрет. С учетом этого обстоятельства картина становится вовсе безрадостная. Но даже если цифра в 12,5 % не будет расти, что делать оставшимся 87,5 %? Жить на марсианские ресурсы? Если все жители планеты, обработанные пропагандой либеральной демократии, устремятся к жизни на уровне западных стандартов, они должны будут эксплуатировать планету и себе подобных западными темпами. Но такое даже теоретически невозможно, что показано выше. И в США это прекрасно понимают.

Мы тоже должны наконец-то понять, что вся эта либеральная теория предназначена исключительно для создания условий, благоприятствующих ограблению других народов и стран. Далее мы скажем, как Англия ловко распространяла теорию Адама Смита, сама пользуясь принципами, противоположными этой теории (протекционизм). К сегодняшнему дню эти теории окрепли, усовершенствовались и представляют огромную опасность для всего человечества. Но еще большая опасность исходит от сил, запускающих эти теории (более детальный разговор о них будет во второй и третьей книгах).

Вот вам и весь гуманизм, лукавое учение, родившееся из протестантизма. Красивые слова про свободу и равенство изначально предполагали неравенство, разделяя людей на избранных и отверженных, потому что сделать всех избранными невозможно даже в теории.

Сегодня теория гуманизма ведет мир к катастрофе. Если ничего не делать, будет много крови. Если пытаться выйти из-под ее давления, без крови тоже не обойтись. В любом случае будет кровавый вариант. Сегодня пять миллиардов людей оказались просто лишними. Они не нужны даже в качестве рабов, потому что в век технического прогресса столько «обслуги» не требуется. Как эту проблему гуманная цивилизация планирует решать, отдельный разговор, который мы осветим в будущих работах. Пока же подчеркнем, что ситуация носит чисто сатанинский характер. Князь мира сего входит в каждый дом, и люди принимают его. Далее брат встанет на брата, отец на сына.

Сегодня развернута активная кампания по окончательному решению проблемы «лишних людей». Имеются научные технологии «гуманного» уничтожения людей. Достигается это посредством блокирования жизненно важных узлов, в частности, морали и т. п. Сегодня в общество внедряются модели поведения, активизирующие механизм самоуничтожения. Потребительская культура только внешне кажется беззаботной и веселой. За блестящим фасадом идут страшные процессы. Большинство просто не видит, как сжимается гигантская пружина. Всему есть предел, скоро процесс пойдет в обратную сторону. Пружина разожмет. В первую очередь достанется тем, кто сегодня уверен, что все, о чем здесь пишется, не его ума дело. Тем, кто думает, что жизнь можно прожить словно кактус, просто наслаждаясь солнышком, ни о чем таком не размышляя, достанется больше всего.

Сейчас многие очевидные факты «замыливаются», но гуманисты иллюзий по поводу равенства как не имели, так и не имеют. Раньше они в один и тот же год со спокойной совестью принимали Билль о правах человека и правила торговли рабами. Потому что рабы гражданами не являлись. Теперь они принимают всякие «гуманные» программы по сокращению населения, давая им благозвучные названия типа «планирование семьи», «защита материнства

и детства». Только за одни названия хочется пожертвовать этим господам денег. Но когда разбираешься, чем они занимаются, волосы дыбом встают.

В скобках заметим, что в своем логическом развитии теория гуманизма привела к фашизму. Европейское сообщество осудило Гитлера не за то, что он делал, а за то, что он говорил. Европейцы веками эксплуатировали индусов и негров, но называли это просветительской миссией и освобождением угнетенных. Гитлер хотел заняться тем же самым, и если бы обставил свое желание красивыми словами, его причислили бы к великим завоевателям и просветителям. Но он обозначил свои намерения открытым текстом, и «просвещенные» его осудили.

* * *

В октябре 1943 года Гиммлер заявил в Позене группе высокопоставленных эсэсовцев: «Наш моральный долг перед народом – уничтожать людей, которые жаждали уничтожить нас. Большинство из вас знают, что означает видеть груды из ста трупов, или пятисот, или тысячи. Пройти через все это и все-таки – за несколькими исключениями – остаться порядочными людьми – вот что закалило нас. Это славная страница нашей истории, которая никогда не была и не будет написана другими. Глядя на трупы евреев, начинаешь осознавать величие нашей благородной работы». Эти программные слова свидетельствуют о феномене Запада, породившем в середине XX века в центре цивилизованной Европы огромное количество зверей в человеческом облике. За мгновенный по меркам истории срок мирные бюргеры стали лютыми волками. На ровном месте подобные вещи не случаются, у каждой такой истории есть свои предпосылки. Предпосылкой фашизма стали четыре века «просвещения», когда африканцы, индейцы и прочие люди, отличные от европейцев, были причислены ко второму (третьему) сорту. Сотни миллионов «низкосортных» были замучены на каторжных работах, выковыывая благополучие Запада. Единственная их вина в том, что они были иные и слабее.

Когда-то давно, в IV веке до Рождества Христова, предок французов, кельтский вождь Бренна опустошил Италию и разрушил Рим. Непобедимых римлян заставил платить дань. Когда они взвешивали золото, полагающееся в уплату, Бренна кинул на чашу с гириями свой огромный меч. В ответ на протесты римлян он произнес: «Горе побежденным!» (Vat victis). Сегодня народы Европы, России, Азии и т. д. побеждают сами себя. Горе побежденным!

На костях слабых рождается теория гражданского общества и конкуренции. Суть ее в том, что экономически успешная часть общества сплывается в отдельный класс граждан, в гражданское общество, цель которого – защищаться от ограбленных. Государственная машина начинает видеть свою функцию в подавлении слабых. Разделение происходит по экономическому признаку. Если христианская теория естественным состоянием общества объявляет любовь, то новая теория объявляет естественным состоянием войну всех против всех (конкуренция). Члены одного общества должны воевать друг с другом точно так же, как раньше воевали с врагами. Сильный должен строить свое благо на беде слабого. Или ешь ты, или едят тебя. Разница лишь в том, что новая форма людоедства должна быть цивилизованной, в рамках закона, определенного государством. Убивать можно, но по закону. Убей конкурента, разори его, раздави, но по закону, и гражданское общество тебя возвысит. Гражданское правительство понимало главной задачей закона охрану конкуренции. По определению основателя политэкономии Адама Смита, такое государство «неизбежно становится защитой богатых против бедных».

С тех пор положение усугубилось еще больше. Если раньше благословлялось стяжательство только за счет «низкосортных», теперь благословляется любое стяжательство. Чтобы удержаться в касте избранных, уже недостаточно быть просто своим, «первосортным». Расслабишься, и тебя съедят твои же «первосортные» друзья. Чтобы этого не произошло, требуется никому не верить, не иметь никаких принципов и всю жизнь служить одному богу – деньгам.

Именно служить, потому что в определенный момент деньги перестают влиять на благосостояние. Уровень жизни очень богатых людей не зависит от того, продолжают они работать или нет. Но они работают, потому что если остановятся, то не просто выпадут из элиты, а будут уничтожены. Своими же.

Львиная доля людского общения начинает строиться вокруг прибыли. Если от общения с вами нет прибыли, оно воспринимается как бессмысленное. Нравственно только то, что прибыльно. Умно только то, что прибыльно. Если ты умный, приведи доказательство, покажи деньги. Эти «истины» вдалбливаются в кровь и плоть нового общества. Ничего личного, ничего святого, только бизнес – лозунг финансовой элиты.

Кстати, финансовая элита служит именно деньгам. Отдавая им все свое время и силы, она ничего не получает взамен. Реального увеличения благ не происходит, меняются только виртуальные цифры. Учитывая, что финансовый успех обратно пропорционален наличию морали, элита гражданского общества формируется из самых внеморальных людей (это термин финансиста-миллиардера Сороса, предложившего вывести бизнес за скобки морали, то есть узаконить его аморальность). Аналогичные высказывания есть и у других миллиардеров. Трамп во всеуслышание заявляет, что христианские принципы несовместимы с бизнесом. И богатеет. *«Они считают жизнь нашу забавою и житие прибыльною торговлею, ибо говорят, что должно же откуда-либо извлекать прибыль, хотя бы и из зла»* (Прем. 15:12).

Для оправдания социального расслоения рождается теория социал-дарвинизма. Теперь общество объявляется не единой семьей, где сильные заботятся о слабых, а джунглями, где выживает сильнейший и «горе побежденным». Принцип, по которому строились отношения между государствами (конкуренция, завоевание) никогда не переносился на отношения между личностями внутри государства. Впервые такие отношения начинают культивироваться в новом типе общества, называющего себя, словно в насмешку над здравым смыслом, гуманным. Человек объявляется животным, находящимся на более высокой стадии развития относительно других животных. Высокоразвитые животные подразделяются по тому же принципу, что и обычные, – по породе. Если раньше аристократизм понимался как свойство духа, то теперь аристократов начинают определять породой, как лошадей. Верхушка, «отрезанная» от народа, утратившая веру, опускается на уровень обывательских стремлений. Начинается процесс гниения. И снова как по писаному в Библии: *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет»* (Мф. 12:25).

* * *

Во всем мире работает гигантская мозгопромывочная машина, оглупляющая людей до предела. Пропаганда активно убеждает широкие массы, что все происходящее есть естественный ход и порядок вещей, который надо терпеть, потому что он естественный. Масса, понимая жизнь как единственную возможность получить удовольствие, хочет получить его быстрее. Рождается массовая преступность. Никакие полицейские меры не в силах остановить ее рост, потому что исчезает главный полицейский – религия, будившая совесть в каждом человеке.

Западное общество попало под власть закона, выведенного не из Откровения, а из той самой логики, посредством которой можно доказать, что черное это белое. Если у древних над законом стояла сила, осуществлявшая над обществом человеческую власть, то с началом описанных процессов верховная власть теряет свою человеческую составляющую, свой авторитет. Разрушенная теорией Монтескье на три части, исполнительную, законодательную и судебную, власть переходит из рук человека в руки закона. Миром правит новый правитель, Закон. Звонкая фраза «власть закона» на практике означает власть юристов. В конечном итоге власть узурпирует тот, кто платит юристам, то есть капитал. Последствия власти капитала ужасны, что понимают практически все крупные мыслители. Критика Запада родилась не в Китае и

не в Африке, а на Западе. Э. Хантингтон, философ и политик, в «Столкновении цивилизаций» прямо пишет: *«Запад – единственная из цивилизаций, которая оказала... разрушающий эффект на все остальные цивилизации...»*

Часть четвертая Общество денег

Глава 1 Новая форма государства

Религиозная страсть к богатству, скромность и строгие моральные правила плюс рабы в лице «отверженных» и «человекообразных», все это стимулирует экономику, и в свою очередь приводит к тому, что протестантская модель экономического развития государства явила миру превосходящую военную силу. Все монархии поставлены Историей перед выбором: или вас завоюют экономически развитые соседи, или развивайте госхозяйство и содержите соответствующую армию, что возможно только через отказ от религии – главного препятствия на пути развития экономики. В противном случае оккупация сильными соседями обеспечена. Выбирайте: или оккупация или разрушение религии – фундамента монархии. Оба варианта одинаково смертельны.

Религия – единственное оправдание власти монарха – позиционирует его власть как власть от Бога. Если общество утрачивает веру, монарх в глазах народной массы превращается в диктатора, насильника и обманщика, а монархия – в тиранию, самую неустойчивую социальную конструкцию из всех возможных, обреченную рухнуть в силу естественных противоречий.

Мир делится на два типа общества. Один тип рушит свои традиции и веру, получая взамен экономическую и военную мощь. Другой тип сохраняет веру и традицию, за что лишается светской мощи. Этот мир делится между западными странами. Образовываются две системы жизни. Великая река человечества разделяется на два потока, текущих каждый в своем направлении.

Европейские монархи первыми сочли меньшим злом утрату религии. Вера была принесена в жертву прогрессу. Взамен получена военная мощь. Мир оказался во власти Европы. Страны, сохранившие свою веру, культуру и традиции, попали в зависимость. Запад на длительное время становится «князем мира». Здесь прослеживается древний сюжет: продай душу и получи мир.

Новая реальность порождает вопрос: на каком основании монархи являются правителями, если Бога нет? Получалось, они узурпировали власть. Осознание, что живешь под властью насильника, рождает соответствующие тенденции. Возникает новое мировоззрение, которое начинает борьбу за справедливость, понимаемую в логике атеизма.

Ни одна монархия не могла противостоять этой тенденции. По всему миру прокатилась волна революций против самодержавия. Под высокими словами о борьбе за свободу и права одним королям рубят головы, других монархов лишают власти, превращая в своеобразную историческую достопримечательность.

Когда История поставила вопрос ребром – либо мощь либо вера, – все традиционные цивилизации или изменили форму государственности или сошли с мировой арены. Исключений оказалось два: Израиль, не имевший на тот момент своей территории вообще, и Россия, обладавшая самой большой территорией в мире.

В новом мире возникает новый вопрос: откуда должна браться власть? Все прекрасно понимают, что теория анархизма, отрицавшая власть, равно как и утопии Кампанеллы, Мора и их последователей на практике невозможны, потому что ведут к ослаблению конструкции в целом. Общество нуждается в легитимной власти, связывающей его в единый организм. Но откуда она возьмется в новых условиях? Чем новые правители оправдают свое право на власть?

Вопрос серьезный. Если раньше власть производилась от Бога и оправдывалась Богом, то есть монарх считался представителем Бога на земле, то в атеистическом обществе такое объяснение было неприемлемым. Диктатура, то есть власть насильника над жертвой, тоже не годилась. В атеистическом обществе диктатура становится особенно неустойчивой. Если раньше новоиспеченная диктатура в поисках оправдания обретенной власти стремилась превратиться в монархию, то в атеистическом обществе подобное превращение оказывалось невозможным. Потому что Бога нет и все можно.

В лучшем случае агония конструкции начнется со смертью диктатора, в худшем – во время его правления. Ничего не оставалось, как позаимствовать у древних институт демократии. Согласно этим догматам, источником власти должен быть непосредственно народ. Он же является ее оправданием и основанием.

Отцы-основатели либеральной демократии стремились создать идеальное общество. Они учли, насколько возможно, все слабые места прошлых демократий. В частности, реализовали теорию разделения властей, чтобы рассредоточить власть и избежать ее узурпации. Далее, ограничили срок правления выборной власти, потому что бессрочное правление автоматически ведет к диктатуре. Чтобы предусмотреть и нейтрализовать все опасности, целая плеяда умнейших людей честно трудилась над теорией либеральной демократии.

И все же творцы новой государственной конструкции не смогли преодолеть главного препятствия. Краеугольным камнем всякой демократии являются выборы. Народ должен выбирать власть. Сознательно выбирать, а не угадывать или выполнять чужую волю. Выбирать – значит, из множества определять лучшее. Демократия из красивой теории могла стать реальностью только при условии, что народ делает осознанный выбор. И вот на этом, казалось бы, понятном и простом пункте демократы свернули себе шею. Чтобы четко понять, почему это произошло и почему не могло быть иначе, рассмотрим современную теорию демократии.

* * *

В демократической теории утверждается, что власть не захватывается силой. И не дается от Бога. Власть выбирается самим народом. Народ, понимаемый как источник и оправдание власти, выбирает самых достойных, которым доверяет власть. Чтобы демократия не переросла в диктатуру, власть доверяется на фиксированное время, по истечении которого передается следующему избраннику. Если избранник не справляется, народ избирает другого. В этом суть демократии.

На первый взгляд все разумно. Но есть одно большое «НО». Дело в том, что для совершения сознательного выбора нужны знания. Не шапочные и частичные, а глубокие знания. Призыв «выбирать сердцем» свидетельствует о том, что организаторы выборов признают отсутствие знаний у народа. Без знаний выбор невозможен. Вы не выберете лекарство, если не имеете соответствующих знаний. По красоте упаковки выбор невозможен, потому что это будет выбор упаковки, а не лекарства. Так же невозможно «сердцем» определить лучший научный труд из двух представленных, если нет соответствующих знаний. Если каким-то образом человека, не имеющего соответствующих знаний, побудить к выбору, он будет выбирать не труд, а обложку; не лекарство, а упаковку. Солдаты не могут выбирать военачальников именно из-за нехватки знаний. Если устроить всесолдатские выборы, к власти придут краснобаи, умеющие манипулировать солдатскими желаниями. Всенародные выборы сводятся к откровенной глупости, потому что народ, как ребенок, всегда отдает предпочтение фантику, а не содержанию. Народный выбор в духе «голосуй сердцем» всегда сводится не к сути, а к форме. С таким же успехом можно организовать всенародные выборы нобелевских лауреатов в номинации «ядерная физика». Самое ужасное в том, что народ пойдет выбирать лучшего физика, если

правильно организовать выборную кампанию. Победит на таких выборах кто угодно, кроме настоящих ученых.

Опыт истории подтверждает, что в крупных коллективах демократия в принципе невозможна. Несоответствие между демократией в теории и демократией на практике замечено давно. По этому поводу написаны тысячи книг, не известных досужей публике (избирателям). Ж.-Ж. Руссо в «Общественном договоре» пишет, что для больших государств единственной формой правления может быть только монархия. Демократические принципы возможны в малых коллективах, вроде древнегреческого полиса или современной деревни, где люди осознанно выбирают, потому что знают друг друга, знают не по клипам и листовкам, а по жизни. Знают, что Иванов – пьяница и лентяй, а Петров – хозяйственный и непьющий мужик. Эти знания позволяют сознательно выбирать старосту своей деревни. Выбрать руководителя армии или экономики народ не может, а руководителя сразу над всем – тем более.

* * *

Круг замкнулся: у народа нет знаний; без знаний нет выбора; без выбора нет демократии. Во Франции, России или США нет никакой демократии. Миф о демократических выборах в этих странах – сознательная ложь. Вы вольны выбирать, какой рукой стрелять, правой или левой, а вот куда стрелять, определяете не вы, и даже не президент. Все определяет система. Кандидаты всех партий ничем не отличаются друг от друга. Все отличия, во-первых, второстепенны, а во-вторых, смехотворны. Одни заявляют, что понизят налоги на 0,5 %, а вторые обещают сделать то же самое на 0,4 %. Если вы назовете это выбором, можно завидовать силе вашего воображения.

Превышение критической массы общества трансформирует демократические принципы в принципиально иную систему, не имеющую ничего общего с демократической теорией. Власть, доступная для всех, привлекает самые разные силы. И капитал в первую очередь, потому что власть – кратчайший путь к прибыли. Чтобы ее получить, нужно соблазнить как можно больше избирателей. Поскольку кампания соблазнения требует больших средств, борьба за власть возможна исключительно между представителями капитала. Кого бы избиратели ни выбрали, коридоры власти заполнялись представителями капитала. Демократия превращается в ширму, за которой прячется олигархия или разновидность плутократии, завернутая в лозунги «свободы и равенства».

Попытка разорвать заколдованный круг через систему выбора выборщиков (то есть сначала народ выбирает самых достойных, а они, в свою очередь, выбирают власть) тоже ни к чему не привела. На практике все свелось к возникновению группировок и их борьбе за кормушку, портфели и прочие лакомства власти.

Мыслители эпохи Просвещения искали выход, но, увы, не нашли. Отцы-основатели надеялись обойти эту ловушку посредством образования, полагая, что если народу дать знания, он сможет сам, без манипулирования, выбрать лучших. Прошли века, но мир ни на йоту не приблизился к осуществлению этой мечты. Практика показала: дать народу знания, достаточные для выбора, невозможно в принципе. Во-первых, не все одинаково способны к обучению. Во-вторых, невозможно всех посадить за учебную скамью. В-третьих, многие просто не захотят учиться. В-четвертых, помимо теоретических знаний нужны практические. Сложно даже представить, как народ может получить такую практику. Тем более что многие из этих знаний составляют государственную тайну.

Людей можно научить читать-писать, научить химии и земледелию, медицине и строительству, музыке и спорту. Но невежество в том смысле, в каком оно здесь понимается, эти знания не устраняет. Образованные точно так же идут «выбирать», как и необразованные, даже не задумываясь, что они выбирают. Следовательно, образование проблемы не снимает и в этом

смысле ничего не дает. Но если даже допустить фантастическое, допустить, что всему народу каким-то чудом дали знания, это ничего не изменит. Выбор все равно невозможен. Каждый будет трактовать ситуацию с личных позиций, на его выбор будут влиять тысячи обстоятельств, не имеющих к выбору власти никакого отношения.

Демократия оказалась ловушкой, а демократы превратились в демагогов, спекулирующих на эмоциях и непонимании простых людей. Прекрасно сознавая, что никакого выбора люди сделать не могут, они все равно побуждают их выбирать. Немногие демократы, которых можно назвать честными, по сути *«слепые вожди слепых... а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»* (Мф. 15:14). Другие – или просто неумные, или умные, но ни разу в жизни не задумывавшиеся над основами демократии, принимая ее основные постулаты на веру. Кормятся от «священной коровы» демократии, как правило, циничные жулики-простолюдины, не способные верить ни во что, кроме денег. Тот, кто больше всех кричит «за демократию» – или полный идиот или полный жулик. Демократия, уже несколько веков разъедающая наше общество, по сути, такое же чуждое явление для традиционных стран, как канибализм. Она навязана всем странам против их воли, через серию обманов, манипуляций сознанием и подтасовок. Под видом прав и свобод демократия создает благоприятные условия для всех видов порока. Ее способ разрушения основ социальной жизни точно повторяет действия раковых клеток, пожирающих организм.

Проблема налицо и никем не отрицается. Но вместо ее решения начинается приспособление под проблему. Оперировав привитыми шаблонами, демократы упорно твердят, что все беды из-за плохих «деталей» государственного механизма, то есть из-за плохих чиновников и казнокрадов. Если плохих чиновников поменять на хороших, ситуация исправится. Народ с радостью подхватывает эти «ценные советы» и вновь идет выбирать «честных». Но с каждым выбором ситуация не только не улучшается, а, напротив, ухудшается. После каждого выбора растут коррупция, безнравственность. На государственные учреждения в пору вешать преискуртант на взятки. Но люди так тотально поглупели, что не могут связать зависимость выборов и своих несчастий в одну цепочку и сделать выводы.

История многократно доказывала: при посыле выбирать самых лучших народ непременно выберет самых худших. На демократических выборах неизменно побеждают самые отъявленные жулики. Демократические выборы в больших коллективах – это всегда выборы больших жуликов. Вокруг этих действий всегда интрига, с провокациями друг против друга. У простых людей создается впечатление, что плохие кандидаты не дают выбраться хорошим. Лидеры всех партий заявляют, мол, народ потому живет плохо, что выборы нечестные. В итоге интеллектуальная и эмоциональная энергия народа направляется по ложному пути. Охота на ведьм отвлекает внимание от принципиального порока демократической конструкции. Никто не хочет замечать, что реальные выборы невозможны в больших коллективах. Платон считал, что в обществе, превышающем пять тысяч человек, демократия неизбежно превращается в плутократию.

Самая большая ошибка в том, что люди видят главное зло не в системе, генерирующей жуликов и казнокрадов, а в самих жуликах и казнокрадах, то есть в продуктах системы. Мало кто способен задуматься, что это творения системы. Если убрать одних казнокрадов, система породит других, точно таких же. Если конструкция дефектна по сути, бессмысленно менять детали. Даже если все детали ущербной системы заменить золотыми, механизм все равно работать не будет.

Люди словно ослепли. Никто не видит, что во всех демократиях проблемы похожи друг на друга как близнецы. Во всех «свободных» странах падают рождаемость и нравственность, растет смертность, наркомания и прочие пороки. Очевидно, что причину надо искать не в качестве чиновников, а в качестве конструкции, но люди, как заколдованные, ходят по кругу пустых лозунгов. Обществу положили под компас топор, и теперь оно плывет в опасном направлении.

Подняться на высоту, с которой можно оценить верность направления, могут единицы. Основная масса не может задаться такими вопросами. Простые люди стремятся к счастью в заданных рамках. В основе их основных желаний всегда будет лежать стремление встроиться в систему. Простой человек не может задаться вопросом, чему его ребенка учит школа. Своим родительским долгом он считает понуждение ребенка хорошо учиться, то есть полностью доверяет системе, будучи уверенным, что школа научит ребенка хорошему, то есть принесет ему благо. Преподаватели, простые люди, тоже не могут оценить систему. Они просто следуют ее предписаниям. Полная беззащитность народа против системы очевидна. Какой бы плохой школа ни была, мамы и папы будут заставлять детей получать хорошие оценки за учебу. Что в итоге делает из ребенка школа, они не понимают и понимать не могут. Потому что относительно такого масштаба сами дети.

Сами себе люди никогда не задают рамок. Их задает или религия, или рынок. За сохранностью рамок следит Отец или Рынок. Когда Отца нет, Рынок высвобождает страсти, и они, ничем не ограниченные, начинают разрушительную работу. Самых умных и энергичных Рынок превращает в паразитов (да-да, именно превращает, то есть в этом виновата система, а не люди).

Глава 2

Суть современной системы

Что представляет собой система, замаскированная либеральной риторикой? На каких реальных, а не декларируемых принципах она основана? Чтобы ответить на вопрос, нужно освободиться от словесных нагромождений, которыми демократия облеплена, словно театральная тумба афишами. Сорвите с нее яркие плакаты, и вам откроется неприглядная истина. Вы увидите, что «избиратели» играют роль китайских болванчиков, которых надо ткнуть пальцем, чтобы они дружно закивали в нужную сторону, выполняя чужую волю. На сегодня выборы власти по факту являются выборами рекламных роликов. *«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху»* (2 Тим. 4:3).

Традиционная власть управляет народом через принуждение и убеждение. Власть, именуемая себя демократической – через манипуляцию сознанием и соблазнение. Чтобы понять, что такое манипуляция, скажем о ней пару слов. Политическая манипуляция – это когда под видом демократии (власти народа) народ грабят. Психическое воздействие производится втайне от жертвы. Цели манипулятора скрыты, потому что результат, которого он добивается, не бывает полезен жертве, а предполагаемый ущерб всегда скрывается. Факт манипуляции не должен быть замечен объектом манипуляции. Когда попытка манипуляции открывается, и разоблачение становится вероятным, акция обычно свертывается. Иначе обнаруженная попытка наносит манипулятору значительный ущерб. Разоблачение самого факта манипуляции не должно вести к выяснению дальних намерений. Для этого внимание почтенной публики переключают на какое-то яркое событие. Простейшим примером успешной манипуляции служит реклама. Соблазняя на все лады, она побуждает вас расстаться с деньгами.

Технологии, обеспечивающие манипуляцию, эффективно работают, когда народные массы приведены в аморфное и беспринципное состояние. Демократические правительства вынуждены формировать людям потребительское и эгоистичное сознание, чтобы поддерживать систему манипуляций. Власть в таком обществе получает не тот, кому Бог дал ум понимать ситуацию и сердце, способное любить весь народ, а тот, кто организовал наиболее яркое, интересное и соблазнительное шоу.

При демократии никто из соискателей власти не стремится обратить свой электорат «в свою веру», потому что нет у них никакой веры. Потому что они сами такие же инструменты в

игре, масштаб которой лежит за рамками их восприятия. Все эти кандидаты, как дети повторяющие «волшебные слова» про свободомыслие, не понимают, что это не более чем поза, фраза.

В действительности мысль, свободная от принципов и четких ориентиров, всегда есть инструмент в чужих руках, работающий против общества. Цели всех людей, именуемых сегодня политиками, лежат в той же плоскости, что у самого примитивного обывателя. Они стремятся во власть исключительно потому, что видят в ней средство достижения своих целей. Красивые слова, на которые они так щедры во время выборных компаний, – всего-навсего ширма. На практике демократия сводится к борьбе финансовых группировок за власть. Остальное – риторика, призванная дурачить обывателей. Побеждает тот, чьи обещания выглядят правдоподобнее и естественнее.

Чтобы победить в такого рода соревновании, надо, во-первых, иметь финансовый и административный ресурсы, а во-вторых, исходить не из реальных возможностей, а из желаний народа. Раз народ хочет всего и сразу, значит, победит тот, кто сможет внушить народу, что он даст ему все и сразу. Разумеется, ни о каком выполнении предвыборных обещаний априори не может быть и речи. Народ здесь выступает в качестве бесплатной массовки, призванной придать захвату власти видимость законности.

Современные кандидаты удивительно похожи на ловеласа, соблазняющего девушку, который обещает жениться, изначально и не помышляя о свадьбе. Ну а второй раз, как известно, проще соблазнить, терять-то нечего. Демократические выборы свелись к обещаниям скорого материального благополучия и удовлетворения различных желаний тех или иных групп населения, на чьи голоса соблазнитель рассчитывают. Они балансируют между самыми разными обещаниями, вычисляя, какие из них принесут больше голосов.

Соискатели власти, подстраиваясь под массу, погрузились в махровый популизм, грабя народ от имени народа. На практике вместо демократии получилась крайне хрупкая система, живущая исключительно за счет гигантского военного превосходства. Сегодня, когда военный паритет начинает восстанавливаться за счет прогресса и удешевления технологий, Западу, чтобы выдержать натиск традиционных цивилизаций, потребуется восстановить утраченные ребра жесткости, коими являются религия и традиция. Для этого атомизированную массу эгоистов надо снова превратить в членов общества, – единый народ. Необходимо остановить падение нравственности, возродить понятие чести, преодолеть эгоизм и равнодушие. Достичь такого результата возможно только через возврат религии в качестве главного ориентира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.